

Олжас Сулейменов

Язык письма

(«1001 слово»)

(Продолжение. Начало в №2–3)

Начальная грамматика (К теории антилогов)

Антислова

...Философия языкотворчества базировалась на эмпирическом открытии.

Схемой проекта языка стало первое абстрактное обобщение, подсказанное человеку природой – **четность**, породившее осознание закона парности, как условия развития. Мужчина и женщина, день-ночь, свет-тьма, верх-низ, небо-земля, восход-закат...

Чередование зеркальных противоположностей – одно становится возможным, лишь отрицая другое – **борьба противоположностей**. (Принцип «или-или».)

Но каждое явление и само по себе содержит парность. На человеческом лице – два глаза, две ноздри, две щеки. Нос делит лицо на две половины – две щеки, два виска.

Каждый живой предмет состоит из двух частей – левая и правая – не враждующих смертельно, как ночь и день. Поступательное осмысление закона парности приводит к осознанию симметрии как **единства противоположностей**. (Принцип «и-и».)

Парность, открытая в природе, должна была отразиться в языке, ибо слова – суть названия предметов и явлений, сочетающихся в себе черное и белое, как в графике.

Открытие действия закона светотени (парности) в языке вооружает лингвистику механизмом познания его четкой системности. Она угадывалась и ранее, но свести все проблемски логичной организованности языка к общему знаменателю не удавалось. И таким знаменателем, разрежающим светом самые темные глубины языкового хаоса, на мой взгляд, и является многосложная парность. Иначе говоря, – **все слова альтернативны. Каждое слово имело свою зеркальную пару. Самая древняя производящая схема языка – антонимия**

Термин **antonim** (от греч. **anti** – против, **onima** – имя) уже не выражает весь объем понятия, ибо предпола-

ет лишь имя существительное, имеющее противоположное значение: друг-недруг, приятель-неприятель. Новый ракурс понуждает под антонимом подразумевать понятийно более широкое явление – **антислов** (**anti-log**, если продолжать традицию греческой терминологии).

Каждое слово порождало антислова, от которых, в свою очередь, производились следующие антилоги, и так далее. Они и составляют основной массив лексем в любом языке. «Положительно заряженных» слов в языках эпохи Начала было всего несколько. И все они были названиями животных, «называвших сами себя». То есть звукоподражательные. От них системой последовательной антонимии создались все другие.

Типы выражаемой противоположности были различны, и в зависимости от этого антилог мог стать результатом отрицания не только лексического (друг-недруг, он-она), но и грамматического смысла (**имя – глагол; имя существительное – прилагательное; именительный падеж – родительный; единственное число – множественное** и др.).

Основные грамматические средства также четны (внешняя и внутренняя флексии).

И, наконец, реализовать этот механизм парности в языке человек бы не смог без помощи образного письма. **Первые иероглифы и содержали графическое выражение идеи четности. Они подсказали словотворцам схемы грамматического строя слова и предложения**

Знаков и названий было немного, но эмпирически найденный механизм парности вызвал арифметическую, а потом и геометрическую прогрессию в процессе словообразования. В механизме словотворчества нашел выражение объективный закон природы – бинарность.

...Сложное слово было, по существу, предложением:

Ψ – ***ha-mun** – «копье + бык» > «убить быка»; «убей быка».

По модели первых сложных слов формировался грамматический строй, синтаксис.

Те, кто изначально употребляли название копья (служебного элемента) перед именем быка (основного элемента), заложили основы префиксального строя: пре-

фикс + корень; сказуемое + подлежащее; определение + определяемое...

И наоборот – постфиксальный строй: **mun-ha*. Например, такая системность просматривается в итальянском: корень + суффикс; подлежащее + сказуемое; определяемое + определение... И потому – неистребимое стремление открыть конечный слог, ибо первый постфикс был открытосложным. Большинство языков ныне – смешанного типа. Предлоги и префиксы появились и в итальянском. Как суффиксы в английском. Но первичный строй все же дает о себе знать. С печатки его в морфологии древнейших слов: *ora* – час (ит.), *hora* (лат.), **ur-a*; *hour* – час (англ.), **a-ur*

Внешняя флексия отрицания (Грамматика коны-чергы)

Для темы (происхождение грамматики) весьма символичным представляется то, что слово «грамматика» происходит от греческого «грамма» – письменный знак.

Без помощи сложной графемы человеческий язык не вышел бы за пределы природного слова-речи, каким нашего пращура наградила природа. Если бы рогатые научились писать, их словарь состоял бы не только из одного «му-у...».

1. Грамматические средства, при помощи которых создавались антилоги в языках Евразии эпохи Начала, были общими. За десятки тысячелетий их накопилось не так много: 1) ****ha* (*a > ah* – в закрытосложных диалектах, *ha > a > wa > ba > pa > ma* – в открытосложных); 2) **i* (*ih, is* – в закрытосложных; *gi, dzi, dhi, d'-t', d-t* – в открытосложных); 3) **-n* – (*-n, -l, -r*)¹.

Они использовались как внешние флексии. Пол – пуст, *пол-н* – не пуст. «Полый» и «полный» отличаются носовым элементом, который «переворачивает» содержание. Так же как в паре *ров* – яма, *рытвина*, **ров-н* – не яма, не рытина.

Перенос форманта в препозицию – свидетельство грамматической революции, которую когда-то пережили некоторые индоевропейские языки.

В славянских, пралатинском и иранских антонимический суффикс занимает место предлога. В иранском до сих пор, как и в славянских, продуктивна приставка *па* – (**ne*) [*donys* – знание; *nadon* – незнающий, невежда]. В латинском уцелели только отдельные примеры, уже неэтимологизирующиеся [*niger* – черный, темный; **ni-ger*, где **ger* (**ker*) – свет. Одно из древнейших индоевропейских названий солнца Откуда и греческое *gelios* – солнце. В славянских уцелел антоним, образованный суффиксально – **ker-ni* > *Cerni* – черный].

Испытав влияние евразийских диалектов, отрицавших грамматическое значение слова носовым постфиксом (монголы до сих пор используют *-n* только в качестве суффикса прилагательного), славяне восприняли

эту традицию, и старые антонимы, не успевшие перестроиться, превратились в антонимические прилагательные (*пол-н, ров-н, круп-н, чер-н* и др.)

2. В иероглифике эпохи Начала, когда языки делали первые шаги, название служебного знака стало служебной частью слова, образуя в диалектах антонимы-антилоги. Он отрицал лексический смысл («не бык» > «без рог»), первичный род («не бык» > «корова»), количественную категорию («не один бык»), падежность («быка»), отрицал имя существительное, создавая первичный глагол повелительного наклонения («бычь», «мучь»).

Копье-стрела используется и как указатель направления – **ha* (*'a, a*). Всегда положительного «к предмету».

...Такое понимание функции копья-стрелы могло произойти в результате длительного освоения первоиероглифа ♀ *ha-mun/mun-ha* – «к быку», «к луне».

Эффект сэндвича

...Тема «постфикс = префикс» еще не освещалась в языкознании. И для ее постановки, полагаю, поможет сравнение индоевропейских формантов с тюркскими. Почему?

В тюркских языках революции грамматического строя, по-видимому, не произошло: они не признают ни артиклей, ни предлогов, ни приставок. Только суффиксами управляется слово. И потому интересно сопоставить индоевропейские предлоги с тюркскими суффиксами, которые, кроме всего, помогают восстановить родственные связи между некоторыми индоевропейскими формантами, утратившими формальную схожесть. Например, в романских языках действует направительный предлог *a* [*a Madrid* – к Мадриду, в Мадрид]. Что общего между итало-испанским *a* и славянским *к*? Ничего, если не предположить, что славянский предлог восходит к полногласному **ka* (ко, *къ*) и через него к праформе **a*. Гортанное придыхание, открывающее слог, в славянских реализовалось глухим гортанным протезом, в романских же – редуцировалось.

Та же фонетическая картина в тюркских языках. Изменено только место форманта: «*-a*» = «*-ka*», «*-ga*» – суффикс направительно-дательного падежа. [*Madrit-a* – к Мадриду (тюрко-огуз), *Madrit-ka* – к Мадриду (тюрко-кипчак).]

Индоевропейское слово представляет собой нечто вроде сэндвича: корень обложен формантами, как сыр ломтиками хлеба.

В русском некогда достаточно было сказать *мн-е* (**men-e*), чтобы получить направительно-дательное значение. Затем в результате сложных культурных переживаний значение уточняется дополнительным формантом: **ka men-e* – ко мне². В тюрко-огузских обходятся без предложного довеска: *mān-a* – мне, ко мне (азерб.),

¹ Звездочками «dingir» отмечаем степени древности формы. Самые древние – три «dingir».

² В период односложного слова появление форманта вызывало синкопу, не позволявшую создавать двусложную конструкцию: *пень* > *пня*, *день* > *дня*, *сон* > *сна*, *лог* (*ложь*) < *лги* и т.д.

ben-e – мне, ко мне (тур.), **men-ge** – мне, ко мне (старо-каз.), **mān-gā** – т.ж. (узб.).

Качество звуков суффикса в тюркских зависит от качества предлога: после твердых основ -а, после мягких – е, ä. В индоевропейских такой зависимости не наблюдается. Суффиксы и предлоги не меняют качество, употребляясь с любыми основами. И на эту особенность следует обратить особое внимание. Она может объяснить происхождение индоевропейских формантов. Например, *e(i) – глагол повелительного наклонения (императив) в русском, соответствует тюркскому *а – после твердых основ, e(i) после мягких (каз.). Индоевропейцы применяют и твердую, и мягкую формы, универсально, с любыми основами.

В греческом глаголы обходились личными окончаниями, без предложных местоимений

Например, **pa** – ступай, идти (связано с ром. **pas** – «ступай», др.инд. **pa** – «нога»), **pa-o** – иду; **pa-s** – иди, ступай; **pa-me** – идем; **pa-te** – идите.

Схема та же, что и в латинском. Сравните латинское спряжение:

1 л.ед.ч. – o (редко – « m »)	1 л.мн.ч. – mus
2 л.ед.ч. – s	2 л.мн.ч. – tis

В славянском (русском):

1 л.ед.ч. – u (редко – « m »)	1 л.мн.ч. – e-m
2 л.ед.ч. – e-s	2 л.мн.ч. – e-te

В тюркском (казахском):

1 л.ед.ч. – m-n (редко – « m »)	1 л.мн.ч. – m-s
2 л.ед.ч. – s-n	2 л.мн.ч. – s-s

(Вокализм не указан потому, что качество гласных меняется в зависимости от качества корня. Например, **bas** – ступай; **bas-a-myn** – ступаю; **bas-a-syn** – ступаешь; **bas-a-mys** – ступаем, **bas-a-syz** – ступаете. Но **ket** – уйди; **ket-e-min** – уйду; **ket-e-sin** – уйдешь, **ket-e-sis** – уйдете.)

Греки испытывают воздействие тюркской схемы спряжения, но при этом используют в качестве универсальных личные окончания «мягких» глаголов:

1 л.ед.ч. – * emin	1 л.мн.ч. – emis
2 л.ед.ч. – esin	2 л.мн.ч. – esis

Скорее всего, они наслаиваются на древнейшие окончания и после «революции» переносятся в препозицию. И только самое очевидное (1 л.ед.ч.) заменяется позднейшим местоимением «**eko** – я».

Сегодня греки говорят:

eko paο – я иду,	emis pame – мы идем,
esi pas – ты идешь,	esis pate – вы идете.

Без привлечения тюркских материалов происхождения этой сложной системы спряжения неустановимо.

Идея спряжения прозрачна: «глагол + личное местоимение».

Перестройка произвела эффект сэндвича в индоевропейских. Новые местоимения не заменили старых,

вросших в основу, но стали дублировать их функцию, употребляясь перед глаголом: я ид-у, ты ид-ешь, мы ид-ем, вы ид-ете.

Структурно – это новое спряжение. Схема «сэндвича» распространилась на все индоевропейские языки. И турки последовали этому примеру, потому что личные окончания утрачивали прямую вокальную связь с личными местоимениями. Но консонантное родство легко устанавливается.

men ket-e-min – я уйду.	biz ket-e-mis – мы уйдем
sen ket-e-sin – ты уйдешь.	siz ket-e-sis – вы уйдете

...Соответствие личных местоимений и личных окончаний глагола наиболее очевидно сохранилось в тюркских языках. Такое неслучайное совпадение говорит о многом. Прежде всего о том, что турки и индоевропейцы в эпоху Начала имели общую систему личных местоимений 1 и 2 лица. И вместе вышли на идею спряжения глаголов.

Затем дороги расходятся. Индоевропейцы вырабатывают новую систему личных местоимений, но окончания спрягающихся глаголов остаются прежними. В тюркских же языках местоимения не меняются. Этим объясняется супплетивизм индоевропейских личных местоимений и личных окончаний.

Категория спряжения в компаративистике приобрела необыкновенную ценность. В начале века, благодаря совпадению систем личных окончаний глагола неизвестного, ископаемого языка Малой Азии с латинской и греческой системами спряжения, этот язык был провозглашен генетически родственным последним. Именно так хеттский язык был включен в индоевропейскую семью и объявлен самым древним ее представителем (II тысячелетие до н.э.).

Наш анализ показывает, что даже системное совпадение грамматических схем и формантов может говорить разве что о культурном родстве языков, но не о «генетическом». Иначе и тюркские, сохранившие прарформу евразийского спряжения, должны рассматриваться как близкородственные индоевропейским. Что, впрочем, в глубочайшей древности было вероятным: все ныне разные «семейства» состояли в родстве, ибо вышли из ложа общечеловеческого языка эпохи Начала.

Внутренняя флексия отрицания

1. Антилоги создавались и внутренней флексией. В XIX веке Я.Гриммом было введено понятие **аблаут** («**ablaut**» – апофония). Он обозначал им несистемное чередование гласных внутри консонантной структуры, вызывающее изменение грамматического смысла слова. Например, **song** – песня, **sing** – петь (англ.)³.

В подобных примерах аблаут – единственное сред-

³ Данный пример мог быть назван и умлаутным, но здесь изменением качества звука добывается антиимия (глагол), а умлаут, как договорились считать, влияет только на количественную категорию имени.

ство различения форм и значений. Его признают одним из древнейших явлений индоевропейских языков, «входящим к праязыку».

«Аблаут известен и др. языкам, например, семитским и картвельским, которые, согласно ностратической теории, обнаруживают далекое родство с индоевропейскими языками в составе ностратической макросемьи» (ЛЭС, стр. 9).

Например, в арабском консонантный корень КТВ выражает семантическую доминанту — «письменность». Насыщая структуру гласными, получают слова, детализирующие это понятие: KaTiB — пистец, KiTaB — книга.

Семитский аблаут — изобретение гениальное, несет четкую печать индивидуального творчества какого-то грамматиста.

2. ...Основатель исторической германистики Я.Гримм констатировал в языках своего веденья особый тип перегласовки, чем-то похожий на аблаут, но более суженный. Чередовались только пары гласных *u/i* или *a/e*. При этом изменялось количественное значение: *man* — мужчина, *men* — мужчины; *foot* — нога, *feet* — ноги; *thooth* — зуб, *theeth* — зубы и т.п.

То есть изменение качества гласного приводило к грамматическому результату: *u* (*a*) — единственное число, *i* (*e*) — множественное число.

Это явление он назвал умлаутом (*umlaut*) — перегласовка, метафония. И предположил его механическое происхождение. То есть бессознательное изменение качества корневого гласного под влиянием мягкого окончания или суффикса в германских языках

*«Существуют разные виды умлаута, основной и наиболее распространенный — палатальный *i-umlaut*, т.е. сдвиг вперед гласных заднего ряда *a*, *o*, *u* под влиянием последующего *i*, который мог позже исчезать или превращаться в *e*. Сравните др. фриз. *bed* — постель (~ гот. *badi*; *a > e*), др.исл. *kin* — род (~ гот. *kuni*; *u > i*)...»*.

*«Зарождение умлаута относится к дописьменному периоду германских языков, и развитие его происходило, видимо, несколькими волнами разной интенсивности. Поэтому представленность умлаута неодинакова по языкам; наиболее развит умлаут в немецком языке, где *schlag* — удар, *schläge* — удары, *hoch* — высокий, *höhe* — высота.»*

[Таким образом, Я.Гримм определил умлаут как позиционное изменение качества (*регрессивная ассимиляция*)] *«Но со временем он мог грамматизироваться и переноситься в формы, исторически не имевшие флективного *i* (типа *mutter* — «мать», *mütter* — мн.число), тем самым умлаут превратился в грамматическое средство — разновидность внутренней флексии. В этой функции умлаут структурно соотносится с аблаутом.»* (ЛЭС, стр. 535).

Автор этой статьи В.А.Виноградов подчеркивает, что явление умлаута присуще только германским языкам и ни в каких других более не встречалось. С этим утверж-

дением можно было бы согласиться, если считать, что в германских изменение качества произошло механически, тогда оно действительно не могло стать грамматической нормой и получить распространение за пределами этих диалектов. Но на самом деле умлаут имел мировое распространение.

Макро и Микро

...Понятие это с самых первых пор использования открытия Гримма стало отличаться двойственностью. Я, продолжая употреблять термин *умлаут*, понимаю его только как — **грамматическое изменение качества звука**. Случайно, механически не могло произойти столь мощное средство словоизменения, которым пользовались языковеды. Таким методом отрицали единственное число (*u/i* = *u/u*) и другие грамматические категории. Аналогичные оппозиции (*a/e* = *a/i*) также нашли место в общенациональных языках.

Если английская пара *that* — «тот», *this* — «этот» несомненно демонстрирует действие умлаута, безо всяких предформ типа **that-i*, то как назвать явление, проявлявшееся в угро-финских языках?

Английскому примеру полно соответствует, например, мансийский: *ta* — тот, *ti* — этот.

Пространственно противоположные явления обозначались противопоставлением твердого и мягкого звуков: **отдаленное** выражал **заднеязычный**, **близкое** — **переднеязычный** звук.

В венгерском:

ott — там, *itt* — здесь,
az — тот, *ez* — этот,
annyi — столько (как в том случае),
ennyi — столько (как в этом),
ugy — так (как делает не говорящий),
igy — так (как делает говорящий),
oiyan — такой (как тот),
ilyen — такой (как этот).

Много таких пар и в других угро-финских. Например, *too* — тот, *see* — этот (**thee*) (эст.), *too* — тот, *se* — этот (ижор.), *tona* — тот, *te* — этот (эрз.).

В угро-финских эта системность представлена более последовательно и массово, чем в германских. И затрагивает исторически столь глубокие разряды лексики, что говорить о заимствовании из какого-либо языка и, тем более, из германских — не приходится.

Более того, мы вправе поставить вопрос в противоположной плоскости — говорить об умлауте в германских языках как о явлении субстратном, заимствованном из языков покоренных этносов. Ими могли быть угро-финские племена, занимавшие север западной Европы до расселения там германцев.

Не каждая сумасшедшая идея заслуживает внимания. Но в этой определенно что-то есть. Особенно, если предположить, что базой английского языка был диалект с аффиксальным грамматическим строем (**a-mun*, **a-*

уг, *a-uth). И знал он только одну флексию *a, которую использовал и как внутреннюю (*maus, *braun, *taur, *taun), в отличие от романских – *brun-a, *tur-a и др.

Поэтому нужда в дополнительных средствах могла привести к заимствованию субстратного приема, еще одной внутренней флексии, которая позволяла не прибегать к постфиксации. До поры, пока все возможности префиксов и внутренних флексий не были использованы.

...В языках угро-финнов отношение к оппозиции твердый-мягкий смыслово отличалось. Если в венгерском и в манси твердый = отдаленное, мягкий = близкое, то, скажем, в мордовском, удмуртском и саамском (Скандинавия) твердый = единственное, мягкий = множественное.

	mon – я,	min – мы,
	ton – ты,	tin – вы.
Сравните англ.	thooth – зуб,	theeth – зубы,
	foot – нога,	feet – ноги.

Эти примеры в совокупности **опровергают версию Гримма о механическом, бессознательном изменении качества звука в результате воздействия внешней флексии**. Тогда надо предположить, что и угро-финские местоимения множественного числа произошли от аффиксальных *mon-i > min, ton-i > tin.

Такой фонетический механизм доказать невозможно. Да и нет в этом необходимости. В угро-финских, как и в английском, сосуществуют способы отрицания единственного числа и внутренней флексией, и внешней (в английском – s, в угро-финских -os, -as. Сравнимо с греческ. -es, балт. -es, монг. -ith и др.).

Финны, отрицая приведенные выше формы множественного числа **min** – «мы», **tin** – «вы» аффиксом – «а», получили **mina** – я, **sina** – ты.

Коми же сокращают носовой звук, который принимают за антонимическую флексию, и отрицанием отрицания достигают того же эффекта, что и финны: **me** – я, **te** – ты. (Хотя носовой в ряде языков «отпадал» и без грамматических последствий.)⁴

...Сходное явление можно было заметить и в семито-хамитских языках. Грамматическое чередование качества гласных, например, отчетливо проступает в вопросительных местоимениях: **mann** – кто?, **min** – что? (ст.акк.), **maa** – что?, **mii** – кто? (др.евр.), **ma-t** – что?, **mi-t** – кто? (берб.) и др.

II

И теперь, если взглянуть повнимательней в историю твердых и мягких фонем, мы увидим, что требует пересмотра еще один постулат лингвистики – «фонема – основная незначимая единица языка».

Так – во всех учебниках языкознания. И в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (ЛЭС). Иначе гово-

ря, звук человеческой речи изначально не содержал никакого значения. Ни лексического, ни грамматического.

Умлаутные пары способны поколебать это убеждение. Да, даже внешние однофонемные флексии **a, i** некогда были словами-понятиями, выполняя ту же роль, что и внутренние. Чем, скажем, отличается славянское или романское окончание мн.ч. -i, от угро-финско-германской внутренней флексии **i** с тем же значением? Только местом применения. Снаружи консонантной структуры, а не внутри. Она так же заменяет собой показатель единственного числа – заднеязычный звук.

Почему бы германские значимые фонемы – внутренние флексии не сопоставить с итальянскими внешними -o – ед.ч.м.р.; -i – мн.ч.м.р. (uom-o – мужчина; uom-i – мужчины); -a – ед.ч.ж.р.; -e – мн.ч.ж.р. (donn-a – женщина; donn-e – женщины). И даже в распределении некогда диалектных пар по родам чувствуется сознательное творчество грамматистов. В английском же не привился грамматический род и потому уравнины традицией значения диалектных норм **man-men, foot-feet** как ед. и мн. числа.

В итальянском «сэндвиче» слово в полной грамматической форме обложено этими формантами:

(lo stell-o – стебель;	li stell-i – стебли;
la donn-a – женщина;	le donn-e – женщины).

В славянских числовое значение существительных любого рода отрицается окончанием **и** или **i**. Две диалектные традиции совместились. Множественное число передавалось отрицанием единственного при помощи постфикса **a**: **стогъ-стога, рогъ-рога, глаз-глаза**... Там же, где слово в единственном числе уже имело в окончании этот гласный, применялся мягкий **-i**: **рука-руки, нога-ноги, щека-щеки**...⁵ В другом диалекте работала пара альтернатив *o – ед.ч, *-i – мн.ч. В русском языке полногласная фонема сходит к нулевой *ъ. В болгарском – это живая фонема. Нормы этого диалекта (скорее всего, болгарского) пришли в русский язык письменным путем в кириллической записи: **сонъ-сны** > **сны**, **крестъ** – *кресты > **кресты**.

Слияние буквы **ъ** – «ер» с окончанием мн.ч. **i** – (без точки) приводило к ошибочному превращению в лигатуру **ы** – еры. (Это заметка к теме «Влияние буквенного письма на форму слова».)

В тех случаях, где изначально не употреблялся знак полугласного **ъ**, окончание мн.числа выступает в чистом виде: **волк-волки, бог-боги, горшок-горшки, вершок-вершки, посох-посохи**...

Очевидно одно – **славянские и романские примеры сопоставимы с угро-финскими и германскими: флексии единственного и множественного числа и там, и там были общими, отличались только позициями**.

Славянское **матерь** соответствует немецкому **mutter**, так же как **матер-и** соотносимо с **mütter** (*miutter).

Регрессивная ассимиляция качества не доказыва-

⁵ Эти же показатели могли выражать и двойственность, и множественность.

⁴ Ср. **man** – я, **sen** – ты (тюр.), **me** – я, **ze** – ты (шум.).

ются приведенными Гриммом примерами. Они свидетельствуют только о том, что в германских диалектах умлаутным формам соответствовали аффиксальные: *bed* = *bad-i* (постель), *kin* = *kun-i* (род). И никакой регрессивной ассимиляции качества не предполагалось при этом.

Английский словарь имеет форму и с аффиксальным множителем такого типа: **man-i* – много. Но не превратилась же она в **men*, как в китайском *men* (*min*) – много.

Мягкость корневого гласного эквивалентна действию аффикса – а. Восстановив эту закономерность, поймем, чем друг от друга отличаются и что роднит основы древнегреческого *fara-o* – «фараон» и древнеегипетского *per-o* – «фараон». Мы выходим на осознание механизмов двух основных древнейших способов словообразования: 1) внешняя флексия (постфикс и префикс) – а, е(і); 2) внутренняя флексия (умлаут и развившийся на его основе аблаут) – а, -е(і).

... Умлаут на первых порах особенно активно должен был использоваться в сингармонических языках, где изменение качества имело значимую функциональность. Мало ныне языков, в которых фонемы четко подразделяются на твердый-мягкий, как в современных тюркских. Это обстоятельство следует учитывать при анализе слов не только тюркских языков, но и тех, на которые они могли влиять. В тюркских твердые а, о, и могут быть тождественны во флексиях мягким е, і – а, ө, у. Может быть, это – причина равенства диалектных флексий в славянских а = і.

III

Оппозиция и (о) – і (е) использовалась не только при обозначении количественных категорий, но и для достижения других грамматических целей. В греческом мы встречаем эту пару в виде артиклей мужского рода (о) и женского (і).

По правилу «сэндвича» форманты исторические и новые обкладывают греческое имя существительное, удваивая массу служебных частей слова: о *anthrop-os* – мужчина, человек; і *gyn-i* – женщина, і *gynai-ka* – жена. (После слов, оканчивающихся узким гласным, употребляется – *а, *ha.)

IV

В германских примерах очевидно вытесняющее действие фонемы «і», которая заменяет собой показатель единственного числа и (о): **fut* (*fot*) – нога, **fit* – ноги (герм.). Так же действует этот показатель и за пределами консонантной структуры. Словно зачеркивая твердый гласный: *uom-o* – мужчина, *uom-i* – мужчины (ит.).

Но в некоторых наречиях мягкий приплюсовывался к твердому. И германские, и тюркские искусственные мягкие, надо полагать, произошли от иотированных *iu > ü; io, eo > ö [*mutter* – *miuter* – *mutter*].

V

Если *і комбинировалась с корневым гласным внутри консонантной структуры, то и аналог ее *а использовался так же.

Сравните аффиксальное *togo* – бык (ит., исп.) [**tur-a*] и аблаутное *taur* – бык [**taur*] (др.семит., лат., греч., балт.).

...И я все больше склоняюсь к мысли, что появление и внутренней флексии (і, а), и внешней (і, а) следует понимать как явление одного порядка. По сути и немецкое *mutter* (**miutter*), и русское *mater-i* грамматически тождественны. В них действует одна, общая флексия -і. Отличается только местом применения. Но мы уже убедились в том, что значимая фонема, где бы она ни появлялась (после основы, перед или внутри), производит один и тот же грамматический эффект.

Все это – умлаут.

Поэтому еще раз подчеркиваем – мы будем применять термин умлаут, подразумевая только – грамматическое изменение качества звука. А в тех случаях, где на значение влияет чередование звуков одного ряда (например, и, о/а) или перегласовка типа семитской (*KiTaB* – *KaTiB*), когда значимую роль играет не качество звука, а его место внутри консонантной структуры, мы будем применять термин аблаут – замена однорядных звуков или изменение места разнорядных звуков, что влияет на значение слова. Например, «год» – «гад» или *KiTaB* – книга (і...а) (эта позиция основных гласных обозначает неодушевленный предмет) *KaTiB* – писатель, писец (...а...і...) – обозначает деятеля. «Галим» – ученый, «малик» – царь, «тарих» – *историк > история (араб.).

Спаси бог – спасибо!

(Структура слога)

Мы рассмотрели два основных механизма сознательного словообразования и словоизменения (умлаут и аблаут).

Но слово испытывало и механические нагрузки, искажавшие форму, не затрагивая значения. Среди многих причин неосознанного изменения формы слова я выделяю главную – инерцию структуры привычного слога. В языке-производителе образ лексемы не меняется в течение всего времени существования, если не изменяется его грамматический строй и структура слога. Искажению подвергается лишь заимствование, произведенное из среды с другой последовательностью звуков слога.

Существует два типа слогов – открытый (согласный-гласный) и закрытый (гласный-согласный).

Многотысячелетняя произносительная практика вырабатывает в языках эпохи Начала приверженность к одной из двух разновидностей. Неизбежные в процессе этногенеза межплеменные контакты приносят в любой язык лексический материал с непривычной слоговой направленностью, что вызывает типическую реакцию.

Инерция идеального слога заставляет говорящего автоматически перестраивать слог, произносить его привычно. Перестройка затрагивает и начало, и конец слова. Эта реакция убеждает – **структура первичного слога является главным классификационным признаком большинства языков.**

Сложная история выживания этноса сказалась на языке. Нет наречий, которые не представляют собой сплав диалектов с разной конструкцией идеального слога. Они уже проявляют терпимость и к закрытому, и к открытому слогу. Пример – латинский. Самый толерантный из мировых языков. В нем одинаково уютно чувствуют себя слова открытосложные (*homo* – человек), и альтернативной структуры (*oos* – рот).

Но во многих до сих пор проявляется или явная тенденция доминирующего слога, или подспудная. Китайский язык сохранил любовь к открытому – ни одна дву- или трехфонемная лексема не начинается с гласного. (Если не считать таковым полугласный «j».)

Столь же откровенно пропагандирует открытый слог – итальянский. Здесь основное внимание уделяется конечному: он всегда открыт. **Нет ни одной лексемы, заканчивающейся на согласный.** Даже если заимствуется такая, она обретает механически гласный в финале. Поэтому трудно отличить протетический, появившийся для открытия конечного слога, и «природный», изначально присущий лексеме. В славянских этот рефлекс проявляется и сегодня [*Vien* > Вена], и два века назад [*shtuk* – палка (герм.) > штука – счетная палочка], и в средние века [*ottaw* – сенокос (каз.), где *ot* – трава, *otta* – коси траву. В русском *отав* – трава, подросшая после покоса], и в древнейшие [*pishen* – сено (каз.), *pish* – режь, крои, срезай. В серб. и хорв. *pseuo* – сено, в рус. – сено. Германское *buk* – книга, надпись, *письменный знак приобрело в славянской среде протетический гласный, который произносился открытосложно – **buk-wa* – *bukva* – книга (юж.слав.), письменный знак (вост.слав.)].

...Стремление открыть все слоги чужой лексемы стало, на мой взгляд, причиной возникновения долгих согласных в итальянском. Стык согласных разбивает слово, нарушая слоговую гармонию. И произносительная инерция «сглаживает» стык, превращая его в один, но долгий согласный. Ассимилятором выступает **всегда** второй участник группы, открывающий слог: *octo* – восемь (лат.), *otto* – восемь (ит.), *Neptunes* (гр.) – *Nettune* (ит.), *advocatus* (лат.) – *avvocato* (ит.), *niger* – черный (лат.) – **nigro-nirro-niro, nero* – черный (ит.).

Этому распространенному в древних языках явлению (**создание долгих согласных из стыка**) для удобства мною дано имя – «итальянский рефлекс». (Хотя он активно проявлялся и в др. языках)⁶.

...В закрытосложном языке ассимилятором станет первый согласный в стыке, т.е. отвечающий за закрытый слог. Казахи терпят *ystyk* – горячий (от *ys* – накаляйся), огузы производят – *yssyk* – горячий.

Мы видим, как стык согласных, превращаясь в дол-

гий, в ряде случаев опрощается. Эти наблюдения вооружают этимолога еще одним средством восстановления праформ.

Например, ставшее международным числительное *zero* – «ноль», по-видимому, итальянского происхождения. Восходит к арабо-турецкому *sifir, sifr* – ноль. Через посредство языка, в котором свистящий перед мягким гласным озвончивался или превращался в цокающий (как в русском – «цифра») – *zifr* > *zifro* > *zirro* > *zero*. Дабы открыть конечный слог в многосложном слове, пользовались **редукцией конечного согласного**: *advocatus* > *avvocatu* > *avvocato* (ит.), *septem* – семь (лат.) – *sette* – семь (ит.). [Утрата конечного согласного констатируется и в новошумерском: *tir* > *ti* – стрела, *tud* > *tu* – родить, *kur* > *ku* – гора, *kir* > *ki* – земля. Причина, думаю, та же – открытие слога. Как в русском сложном *спаси бог* > *спасибо*. Русские перестраивали даже многосложные лексемы: *алачук* – хижина, маленькая бедная юрта (тюрко-огуз.) в итоге превратилось в *лачуга* – бедное жилище (др.рус.). Все три слога изменили направление: *ал-а-чук* > *ла-чу-га*. Редуцировался начальный гласный и появился финальный протетический. Идеальная перестройка.]

...В отдельных случаях итальянцы сами создают стык согласных, стремясь открыть конечный слог: *september, october* (лат.), *settembre, ottobre* (ит.). Сюда же – *madre* – мать, *padre* – отец (ит.) из *mader, pader* (лат.) и др. Рефлекс подпадает под действие известного закона «метатеза плавных», но здесь он осуществляется с явным нарушением: плавный (г, л) должен перестраиваться относительно гласного, только оказавшись перед другим согласным. Например, **vorn* – *vron* (зап.слав.), *vran* (юж. слав.), **gord* – *grod* (зап.слав.), *grad* (юж.слав.) и т.д.

Итальянские примеры призывают к редакции закона: метатезе (перестановке) **подвергается не плавный (г, л), но гласный, стремящийся стать после согласного и тем самым открыть слог.**

...Начальному слогу итальянский язык уделяет меньше внимания. Он может быть и закрытым (начинаться с гласного). Конечный слог – всегда должен быть открытым. **Нет ни одного слова итальянского, которое бы заканчивалось на согласный.** Подчеркнуто повышенное внимание к открытому конечному слогу заставляет поверить в то, что грамматический строй базового диалекта прароманского языка был аффиксальным: «**корень + служебная часть**». В отличие, скажем, от строя слова праанглийского фундаментального диалекта, в котором доминировало префиксальное и внутрifleктивное построение: *bruno* – темный (ит.) [**brun-a*], *broun* – коричневый (англ.) [**braun*], *kasa* – дом (ит., исп.) [**us-a*], *hous* – дом (англ.) [**a-us*] и т.д.

II

Структура первичного слога – классификационный признак. Внутри «семейств» сосуществовали наречия с разным направлением слога. Так в тюркской группе языков резко отличаются по этому признаку кипчакские (открытый слог) и огузские (закрытый). Это объясняет и разность отношения к начальному иот *i –

⁶ В хурритских текстах (III тыс. до н.э.) встречаются и *sibta* – 7 и *sidda* – 7. Ср., *septem* – 7 (лат.) > *sette* – 7 (ит.).

(огуз. и карл.), *gi (кипч.). [laryk – яркий; iaz – лето; iash – 1) юный, 2) год (огуз.-карл.); zharyk – яркий, zhaz – лето, zhas – 1) юный, 2) год (каз)]. Праформы: *giaryk, *giaz, *giash.]

Инерция идеального слога – одна из основных причин механического изменения формы заимствованной лексики. И по характеру нарушений можно судить, «родное» это слово или пришло со стороны. Скажем, *iun, iung – «юный», «молодой» образовано, скорее всего, в германских и близких к ним славянских, ибо произносительная инерция не исказила праформу так, как это произошло в итальянском *geovane* – юный. (Здесь проявилась комбинация произносительных инерций, среди которых и отношение к непривычным дифтонгам и трифтонгам, которые прослаивались гортанным или губным протезами.)

Перестройка слога

(О протезах)

Выявляется закономерность: **закрытосложное слово, попадая в среду с сильной инерцией начального открытого слога, приобретает начальный согласный.** Протетические согласные в языках Евразии были в основном двух видов – губные (w-b-p), гортанные (h-g-k). Древнейший **nh (nh-ng-nk) уже встречается редко: (носовой приобрел грамматические значения, стал многофункциональным аффиксом), фонетически выродился в чистые гортанные или в чистый носовой.

Протезой (от греч. prothesis – «постановка впереди») принято называть механический звук, добавляемый в абсолютном начале слова. Но любой термин со временем оказывается ограниченной понятию. Мы, продолжая использовать это привычное слово, придаем ему более широкий смысл – **все механические звуки, появившиеся в слове в процессе его освоения.**

Протетическими я называю h/w, которые возникают в **конце слова** в диалектах с сильной инерцией **закрытого слога** (в тюрк.: *taw* = *tah*, *baw* = *bah*, *saw* = *sah* и т.д.), и в **середине «непривычных» дифтонгов** (*au* = *ahu* = *awu*), и в **начале слова** в языках с инерцией **открытого слога**

Гласные протезы, появляющиеся в **начале слова** в **закрытосложных** диалектах и в **конце слова** – в **открытосложных**. Наиболее древним из таких является – *a.

Итак, в открытосложных диалектах протетические появляются в начале слова перед гласными [*homo* – мужчина, человек (лат.), *womo* – т.ж. (ит.)]. Праформа *omo(n). Имя главного героя шумерского эпоса – *Bilga-mes* – («Знающий муж», «Мудрый муж») прошло стадию закрытия начального слога – *ilga-mes, и в древнесемитском произнеслось с гортанным протезом – *Giilga-mes*. Значение не изменилось. Так же и славянское – *pora* – время, пережило этап *ora* – *время, час (ит.) и превратилось в *hora* – время, час (лат.). Губной протез системно предшествует гортанному во многих языках. В восточнославянских гортанный так и не появился в качестве собственного протетического. Он приходил в заимствованных словах и формантах.

Предпочтение отдавалось губному протетическому: *осемь > восемь, *ойльк – войлок (рус.); отчизна > вотчизна, отчина > вотчина, господа > оспода > «воспода станишники» (И.Шухов).

Отношение к непривычному дифтонгу

...Русские прослаивают дифтонг губным, хотя традиция доминирующего диалекта заставляет их записывать с гортанным. Пишут **его, того, ничего**, произносят – **ево, тово, ничево**.

Библийское имя Иоан (Йуан) в угро-финских языках произносится Иухан (эст.), Йуван (хант.-манс.), в армянских диалектах – Аванес, Оганес, в немецком – Иоганнес, Иоган. В русском – Иван (*Иуан).

Дифтонг *au* произносим в кипчакских [*auz* – рот (каз.)], прослаивается гортанным в огузских [*aguz-agyz* – рот (тур.)], губным в булгаризированных [*awuz, awyz* – рот (балк.)].

Рефлекс евразийского масштаба, если не большего. Он помогает открыть причину появления гортанного или губного протезов в необычной ситуации: *tir* – стрела (шум.), *tigr* – стрела (др.ир.).

Значит была промежуточная, переходная форма с долгим: *tir* > *tiir* > *tigir* > *tigr*.

Стяжение вызвано ударением, оставшимся за первой долей дифтонга, что вызвало редукцию второй безударной, и стремлением избавиться от возникшей двусложности.

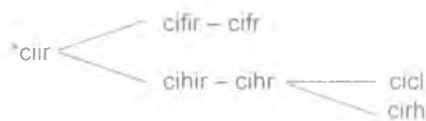
Tigr – река в Месопотамии (**Tiir*).

Tibr – река на Аппенинском полуострове (**Tiir*), бывшая долгота подтверждается итальянской формой *Tevere* – Тибр.

Восстановив этот механизм, мы получаем возможность увидеть причинность немецких форм с гортанным: *sohn* – сын, *naht* – ночь, *aht* – 8, *rihter* – рыцарь, *mehl* – мельница. Это реакция на бывший вторичный долгий.

В период освоения этих слов в западных языках идеальным словом еще было односложное.

И более трудный случай: **цифра** и **цикл** (круг).

В арабском и турецком *cifr* – кружок, ноль.

В славянских **цифра** – любой простой математический знак. (Возможно, иероглиф, обозначающий число, обносили кружком?)

В романских – **цикл**, **цирк** – колесо, круг (отсюда и **циклон** и **мото-цикл**). Возможно, и **церковь**, **кирха** (герм.), **хирихон** (греч.).

...Осознание евразийских протетических должно стать одним из главных подспорий при анализе слова. Математической лингвистике не составит труда выделить протезы в словах и подсчитать их массу. В некоторых языках лексема может на 50%, а то и на девяносто состоять из протетических. Дело за малым – отличить

протетические звуки от грамматических. Предлагаемый метод «ядерной лингвистики» позволяет отделить зерно от плевел.

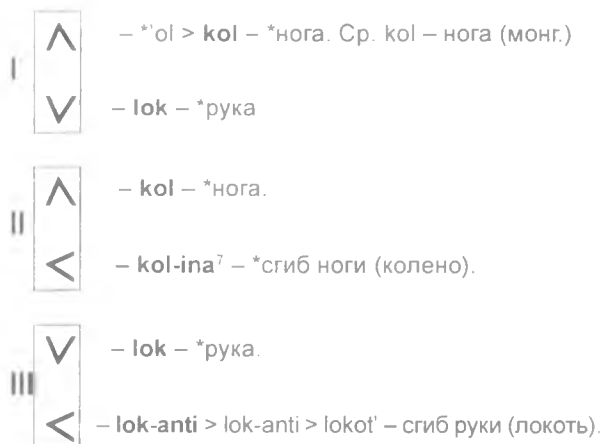
Без определения внешних протезов и медиаторов реконструировать праформы слов невозможно.

...Этой главой заканчиваем рассмотрение основных механизмов словоизменения. Грамматического и механического. Охватить в этой главе все фонетические или сознательные явления процессов развития слова трудно. Рассчитываем на то, что работа продолжится. Требуют подробнейшего изучения, к примеру, особые отношения носового согласного с другими. Почему в одних языках (и диалектах) носовой терпим на стыках (-nt, -ns и т.д.), в других его или опускают (-t, -s), или прослаивают гласным (-not, -nos), или, наконец, метатизируют (-tn, -sn)?

Для нас было главным обосновать схему бинарной оппозиции, лежащей в основе грамматики: «глагол есть антиимя» и т.д.

Эта зеркальность осознавалась, например, славянами до относительно недавнего времени, когда появляется вторая основная форма глагола – инфинитив. Суффикс инфинитива, на мой взгляд, вполне закономерно совпадает с греческим словом **anti** – «противоположное». Эта лексема в качестве служебного слова использовалась славянами и для отрицания лексического смысла (☐ – **krov** – крыша, гроб, могильный холм. ☐ – **krov-anti** > **krovati** – ложе, кровать), но чаще для превращения имени существительного в глагол ***-anti** > ***-ati** – суффикс инфинитива.

Пожалуй, к месту будет привести «славянскую вертушку».

Пояснения:

I – Переворот на 180° сопровождался перевертыванием (палиндромом): kol > lok.

⁷Один из суффиксов уменьшительности, частности. Им обозначали в романских и славянских языках противоположность мужскому роду, целому и т.д. Год (полное время) / година (час, часть времени); древесно / древесина (часть древа); дуб / дубина (часть дуба). В лат. gallus – «петух», gallina – «курица» и т.д.

II – Поворот исходного знака на 90° – антилог создается аффиксом (-ina): kol-ina.

III – Поворот производного знака на 90° – антилог создается аффиксом (-anti): lok-anti.

Движение знаков производилось по часовой стрелке (по ходу солнца).

В диалекте, принявшем значение V – loh (log) – *рог, *бык, поворот знака означал отрицание его, т.е. безроговость: loh-anti > loš-anti > loš-ati. Возможно, так было названо безрогое животное – **лошадь** (*лошаты).

...Воплощение угла в материале (полый рог, металлический «рог») привело к созданию предметов, издающих характерный звук при столкновении. Rog – rog = kol-kol

glagol – 1) *звук, 2) слово

(gol-gol)

kolokol – 1) *звук, 2) *слово, 3) звуковой инструмент

Приобретенный объем узванного придает нам уверенность в обращении с неприкосновенным для этимологов материалом «мертвых» языков, словами и иероглифами самого древнего из них – шумерского.

Найти себя

(«Иероглифические» суффиксы в период устного бытования языков)

Или можно было подзаглавить – «Суффиксы в моей биографии».

† – shi (shin) < *thi (thin) – *служащий, исполнитель* (kit.). В качестве самостоятельного слова сохранилось в чувашском «чин» – человек. Как детерминатив выступает в родовом имени Чингизхана – Тимучин. (*Тимур-чин) – «Железный человек» > «кузнец». Ныне в большинстве тюркских языков – тимурчи, тимирши, темерче – «кузнец».

Как суффикс деятеля: -чи, -ши, -че, -джи, -дъи, -жи. Самые древние формы суффикса содержали носовой. Например, уй (ой) – мысль, разум; *уй-шин (ойшин) – *многодумающий, разумный*. (В этнониме: уйсин.)

Закон NLR – *шин > -шил. Ныне ойшил, уйшил – *думающий, многодумающий* (каз.).

Заемствованный из иранск. яз. равнозначный суффикс -ер (например: зер – золото, зергер – золотых дел мастер, ювелир) участвует в синониме *уй-гер > уйгур – *многодумающий, разумный* (тат.). Слово ой-гыр (каз.) также стало этнонимом-прозвищем.

...Суффиксы давно утратили самостоятельное лексическое значение, обретая грамматическую функциональность. Их положение (после основного слова) определило подчиненность и фонетическую: качество звуков служебной части зависит от качества корневых.

Знание начинается с вопросов – «почему?». Определить причинность явления – цель любой науки. Будь то физика или лингвистика.

Причинность суффикса деятеля, его формы и значения меня заинтересовала со студенческих времен.

...Курсовую по «Слову о полку Игореве» можно было написать дня за два. Пересказать главу из учебника своими словами и получить зачет. Меня подвела «Ленинка». Ради любопытства заглянул в каталоги, и оказалось, что о «Слове» написаны сотни трудов. Любопытства ради затребовал несколько названий. К вечеру того дня понял, что курсовую следует назвать «Тюркизмы в «Слове о полку Игореве».

Дореволюционные исследователи сего древнейшего памятника спорили по каждому его слову. Журналы отвели много страниц дискуссии Коржа и Мелиоранского по происхождению — «**кощей**». Хана Кончака автор поэмы с презрением называл «**поганый кощей**», князь Игорь после разгрома и пленения «пересел из седла злата в седло **кощиево**».

Из контекста угадывался смысл слова, давно вышедшего из употребления: «поганый раб», «в седло раба». Такое решение стало итогом обсуждения и вошло в науку. Оно не оспорилось ни одной из последующих работ. Ученые нашли обоснования и лингвистические в тюркских языках: **кош** — 1) соединение, пара, 2) соединяя, спаривая; **кошчи** — 1) спутник, 2) помощник при пахоте (кирг.). В средние века, полагали, могло появиться переносное — «раб». Но такому толкованию мешал уже исторический контекст «Слова». При всем своем недобром отношении к хану Кончаку автор едва ли назвал бы его, победителя, — «поганый раб». И потом, зачем применять темное тюркское речение, когда имелось ясное, всем читателям XII века понятное славянское определение этого понятия — «раб»?

Наконец, почему исследователи не учли былинно-сказочного имени **Кощей Бессмертный**? Уж этому-то персонажу звание рабское никак не пристало. Вся злая, неистребимая сила, которой противостояла Русь в эпоху татаро-монгольского ига, сосредоточенно олицетворена этим образом.

Я выписал литературу по былинам и сделал первый шаг к своей версии: в текстах, записанных в разное время у разных сказителей, имя это приводится с долгим мягким шипящим — **Кощий, Кощей, Кощеище**.

А что, если и автор «Слова» произносил его с долгим? Внимательно просмотрел текст — нет ни одного слова с буквенным удвоением. Просмотрел летописи. И пришел к выводу — древнерусские писатели, возможно, из экономии письменного поля применяли эту «неграмотность» намеренно. И если даже сам Автор произносил «русский», «оттвориша», «кощиево», «кощей», он обязан был записать «русский», «отвориша», «кошеево», «кощей»...

Слово «кошчи», приведенное в дискуссии Корж–Мелиоранский, могло преобразоваться в русском произношении в лексему с долгим шипящим, даже, возможно, с мягким. Но несогласованность со смыслом, выступающим из обрусевшего слова, серьезно мешала согласиться с трактовкой уважаемых тюркологов.

В моей пятимесячной геологической практике я занимался поисками поверхностных выходов нефти. Колеся по пустыням Устюрта и Мангышлака, наш маленький отрядик отыскивал родники, брал пробы из заброшенных колодцев и пользовался гостеприимством жителей редких поселений. В одном из них мы взяли на работу бодрого старика, который заявил, что знает каждый бархан от Устюрта до Каспия: «Это теперь я оседлый, а в молодые годы я был самый настоящий **кōщчи**. Всю пустыню обскакал, объехал, обошел!» Так ему хотелось поступить в наш отряд! Это его слово, в которое он и его род вкладывали смысл — «**кочевник**», я и вспомнил, прочитав «**Кошций Бессмертный**». Такая семантика оправдывала все ситуативные применения термина в древнерусской литературе, устной и письменной. Кочевник в период противостояния христианской Руси Дикому языческому Полю мог приобрести христианскую характеристику — «поганый кочевник», то есть «кочевой нехрист, язычник». (От греческого «поганос» — нехристианин.) И такую отчаянно-фаталистическую, как «бессмертный», неистребимый. Игорь, попав в плен, пересел **из седла злата в седло кочевника**.

Я тогда впервые понял, что признанные, уважаемые ученые могут ошибаться. И что их заблуждения, тиражируясь, становятся научной истиной. Корж и Мелиоранский, а за ними все русские тюркологи не заметили казахского слова **кōщ** — 1) кочевье, 2) кочуй. (Потом через много лет я осознал понятие «грамматический синкретизм», когда древнейшее слово выступает в двух-трех грамматических значениях без прибавления аффиксов — «глаголо-имя», например. В старой именной форме это слово уже редко употребляется, и потому недавно Терминком КазССР образовал отглагольное существительное **кōщпе** — «кочевье» и от него — **кōщпелі адам** — «кочевник». Буквально — «человек кочевья». Последние кочевники Центральной Азии, сохранившие этот образ жизни и хозяйствования до XX века, вынуждены теперь называть себя столь сложным вычурным именем. Неужели в минувшие тысячелетия не могли выработать более экономный термин?

Стихи — это поток ассоциаций. Им только дай повод, и в них, расплывшихся в геометрической прогрессии, утонет начальная мысль. Самое трудное в этом творчестве — в хаосе отвлечений сохранить намеченный маршрут замысла. Но никогда не удавалось закончить так, как планировалось. И в моей курсовой появилась новая глава — суффикс деятеля в казахском — «**ши/щи**», в других тюркских — «**чи/чі**», который, прибавляясь к существительному, создает «имя существующее»: «**темір**» — железо, «**темір-щі**» — кузнец; «**балык**» — рыба, «**балыкши**» — рыбаки... В других тюркских: «**казна**» — казна, «**казначи**» — казначей (ст.тат.) и др.

Так я вышел на староказахскую лексему ***кōщ-щи** — кочевник от **кōщ** — 1) кочевье, 2) кочуй.

*«Кара-таудын басынан
кōщ келеді,
Кōщкен сайын бір тайлак*

бос келеді...»

Одна из самых печальных казахских народных песен.

*«С вершин Черных гор
кочевье спускается.
При каждом возвращении
один верховой конь (или верблюд)
— без седока...»*

(Эту интонацию и образ я использовал в стихах исторического цикла:

*«Кочует с Черных гор
родной аул
и каждый год
одно седло — пустое...»)*

В тексте песни слово *коц* употреблено в обоих грамматических значениях: 1) «*кѡц келеді*» — «*кочевье спускается*» — имя существительное. И как глагольная основа причастия прошедшего времени — *кѡцкен* — откочевывавший.

Русские не смогли произнести мягкий губной гласный **кѡщци* > **кощци*

Это явление проявляется системно: *улік* — «труп» (ст.тат.) > *улика* — вещественное доказательство преступления (рус.), *уйме* — «куча», от *уй* — скупивай (каз.) > *уйма* — куча (рус.).

При освоении этого слова окончание совпало с показателем дательного падежа, и пришлось «возвращать» его в именительный: *уйме* > *уйма*. И окончание «и» в заимствованиях из тюркских и других языков корректировалось при освоении: оно совпадало с показателем множественного числа в русских именах. В диалектах древнерусского выработалось три способа нейтрализации неуместных звуков: 1) если встречалось окончание, совпадающее с аффиксом косвенного падежа (*уйме*), то оно заменялось на аффикс именительного (*уйма*), 2) финальный «и» не осознавался как окончание множественного, но чтобы не путать с таковым, добавлялся нейтральный гласный «и», не имеющий ни падежного и никакого другого грамматического содержания (зодчи > зодчий; казначи > казначий > казначей), 3) если финальный «и» воспринимался как показатель множественности, то слово возводилось в ед.число путем сокращения окончания: *пала-палаш*, меч с широким лезвием, орудие казни: *паладжи* — тот, кто казнит (тур.). В русском *палач* (ед.ч.), *палачи* (мн.ч.)¹.

Масса таким образом переработанных тюркских слов позволила русичам определить морфологическую схему «существительное + ч(щ) = существующий», по которой создавались термины от своих основ типа: труба — трубач — трубачи; товар — товарищ — товарищи.

Обо всем этом учебники молчали. Людям моего поколения приходилось узнавать историю слов и своих народов самим, не читая готовое, но отдавая годы и годы анализу отрывочных сведений, чтобы, соединив фрагменты рассыпанной по всей земле мозаики, воссоздать хотя бы в своем воображении картину античности, в уголке которой нашлось бы место и твоему роду-племени. Как геолог, я уже понимал в общих чертах историю земной коры — происхождение коренных и органических пород. Представлял генезис угля, золота и нефти, гранитов, известняков и глины, об истории народов, населяющих дневную поверхность, тоже имел кое-какое понятие. Период княжеско-царского прошлого Руси-России узнал довольно хорошо еще в школе. Европа, Северная Америка, Китай, Индия, Аравия, Османская Империя — в пределах полуженного среднеобразованному человеку.

О казахам мне было известно только то, что до революции 17-го года мы находились под двойным гнетом — царизма и местных феодалов. Большого по программе обучения не полагалось. Да и знать особенно не хотелось.

Профессор Сидельников, задавая мне эту курсовую, едва ли предполагал, что Слово о походе средневекового князя Игоря на половцев, кочевывавших у Дона, неожиданно станет импульсом, остро стимулировавшим мой зачаточный интерес к истории казахам прежде всего. Узнав, что наречие моих предков входит в семью тюркских языков, некогда взошедших от одного корня, я впервые ощутил особое чувство кровного братства. Атавизм, да, но как он прибавляет человека в младости.

Обретая тюркскость, я почувствовал в себе подъем ранее неоощуемых качеств, описать которые не берусь, но они сформировали мою личность и способствовали развитию юношеского тюрковоззрения как элемент основы моего мировоззрения.

...Тогда впервые я испытал осознанное уважение к русскому языку. За его способность сохранять, почти не изменяя, формы и значения древних тюркских слов, многие из которых вышли из употребления в наречиях, их создавших. Речевой аппарат восточных славян, почти не трансформируя, воспроизводил тюркские созвучия, особенно заднеязычные, то есть твердые. Произнести не удавалось только искусственные мягкие — *ѡ, у, а*, они превращались в твердые — *о, у, а*. Благодаря сохранности тюркизмов в русском языке, узнавал, как звучали древнеказахские и древнетатарские суффиксы. Переход *-чи* > *-че* в татарском произошел в одно время с таким же преобразованием в русском. Ныне «*казначей*» = «*казначе*» (тат.). Но если бы слово поступило в русский язык в этой форме, то окончание совпало бы с падежной флексией и ныне мы бы знали русское «*казнача*» — *казначей* и «*казначе*» — *казначею*. Следовательно, славяне сначала восприняли **казначи* и потому оснастили окончание иотой: **казначий* > *казначей*. Такое же расширение гласного произошло в *кощций* > *кощчей*. Обе формы употреблялись в диалектах синхронно.

Но этот вывод противоречит предположению о невозможности окончания «е» в именительном падеже:

¹ Даже в XX веке поступившее «басмачи» — оккупант, насильник (от *басма* — *насилие, подавление* — узб.) превращено в «басмач» (ед.ч.), «басмачи» (мн.ч.).

далеко не надо ходить, вполне русские слова «кочевье», «зимовье»... Объяснений может быть несколько, но прежде необходимо было восстановить первичные формы слов: *кочевие; *зимовие. Подтверждали возможность подобных праформ параллели – «условие», «сословие», «явление», «поколение». Отчетливо выделяется формант «-ие», в котором «е» выступает как дубль й-краткого. Тогда предшествующий гласный изначально относился к основе. И эта мысль проверяется на слове *кочевник, где легко отчленяется суффикс -ник: *кочевь < **кочеви.

В турецком есть исторический фразеологизм «кӧч еви» – «дом кочевника», юрта на колесах. Но как термин он уже не сохранился, ибо сам предмет ушел из быта. Отдельные части фразеологизма существуют и поныне кӧч– 1) кочевье, 2) кочевник, 3) кочуй; ев – дом. Суффикс «и» выражает родительный падеж первого слова в паре. Древние русичи восприняли это сочетание как монолит «*кочеви» – и сохранив «родительность» падежа, добавили свое понимание – «мн.число». Эта редкостная, уникальная контаминация подвигла слово на место – имя существительное, мн.числа, род.падежа: кочеви(й). Хотя по форме оно входит в ряд «именительных» – зодчий, ловчий, лесничий

Такая передвижка должна была вызвать другие. И форма дательного падежа выступает в роли именительного. Главное, что «е» появилось уже на русской почве, если бы пришло в окончании заимствованного, обязательно заменилось бы.

...Некогда кощий в общерусском было названием жителя степей, Дикого Поля. Потом побеждает турецкое сложное слово. Турки-сельджуки появились на южных границах Руси в XI веке, в период их борьбы с Византией. До этого в Диком Поле кочевали кипчаки – предки казахов, татар, каракалпак, ногаев, балкарцев. И называлось оно в восточной литературе Дешт-и-Кипчак («Страна Кипчакская»). Когда «коч-еви» вытесняет «кощ-щи»?

«Слово о полку Игореве» (1185 г.) употребляет «кощей», «кощиево» в его оригинальном значении – кочевник, кочевническое. И былины донесли с той поры это уже сказочно-обобщенное слово, допитавшееся негативным смыслом во времена ига, в имени крайне отрицательного героя трагедии земледельческой Руси – Бесмертного Кочевника

II

В сокровищнице русской речи не как музейные ветхости, но как живые, нужные в обиходе речения сберегаются отзвуки тюркских диалектов.

Все годы учебы в Москве я не выходил из «Ленинки». И находил, находил все новые и новые свидетельства древности казахского слова. Многим тюркским языкам повезло больше. Языки средневековых турков, азербайджанцев, уйгур, узбеков, агар удостоились записи в великих письменных памятниках средневековья.

Казахи же так увлеклись борьбой за пастбища, что не удосужились оставить письменных свидетельств своего существования в истории. Устное слово не датировалось, пока я не набрел на «кощея» и не понял, что языки соседей по Евразии в состоянии помочь установить возраст казахского слова.

Хохма¹

(Коше отрицания ha(a) в тюрко-славянских)

Зачет по курсовой «Тюркизмы в «Слове о полку Игореве» я так и не получил, влез в материал и опубликовал курсовую только через 15 лет книгой «АзиЯ». В работе над ней мне пришлось изучить не только памятники древнерусской литературы, но и древнетюркской, писанные рукописным письмом. И представилась картина культурного взаимодействия славян и тюрков гораздо более древняя и масштабная, чем внушали учебники.

Пытаясь детализировать эти пока пунктирно-обрывочные связи, я посвятил годы изучению и других древних письменностей, разделенных, как убеждался, прежде всего теориями независимого генезиса культур. Занимаясь этимологией, понял невозможность определения происхождения слов любого языка, если рассматривать их обособленно в рамках языкового семейства. Причинность многих славянских лексем и грамматических форм нельзя было выяснить без помощи тюркских, угро-финских, древнесемитских материалов. То же выявлялось и при попытках определить генезис тюркских слов. Взаимозависимость языков Евразии становилась для меня очевидной.

Я приходил к выводам – история любого слова, любого языка оживает, только если рассматривать ее в евразийском, если не сказать, планетарном контексте; устные языки, может быть, более ценные источники, чем даже письменные. Во всяком случае – древнее.

Языки – это кладезь исторических сведений, не уцелевших в отрывочных летописях. Языки – это архив, который не горит, не смывается, не плесневеет и не подвержен влиянию идеологий. Главное интеллектуальное наследие, доставшееся нам от бесчисленных поколений предков. И не зря они нам завещали стать Знающими, чтобы мы развелили то, что им было недоступно – их прошлое. Нам давался наказ – расшифровать, прочесть великий архив, в котором закодировано не только прошлое, но и наше общее будущее.

Мы видим в саду человеческих культур только параллельные стволы. Но посмотри вниз, проникни взглядом сквозь поросшую травой обыденности дернину – и увидишь, как переплетаются системы корней, и почувствуешь, как шумят над головой кроны. Трутся листвою и цветением, взаимно опыляя друг друга.

Прошрое и будущее зеркально взаимозависимы. Де-

¹ hohma – «мудрость» (др.евр.) ohma 1) назидание, 2) урок (тюрко-кипч.). От глагола ohy, oky – 1) учишь, 2) учи, 3) читай.

рево без корней – сухой столб без кроны и плодов, на который можно громкоговоритель навесить или лампочка. А можно и на дрова срубить. Без сожаления. Убеди любой народ, что у него нет прошлого, и можно – на дрова. Сколько мы видим обескорененных стволов в нашем редущем лесу!

Я отношусь к поколению, которое воспитывалось в духе категорического отрицания истории. Прошлому отводилось только одно определение – «проклятое!» и этим предрекалось «проклятое будущее»?

Зачем «кнеисторическим народам» история: она воспитывает национализм! В борьбе с сорняками лучше всего проявляют себя тотальные методы: заасфальтировать поле – и никаких вредителей. Вся система воспитания мировоззрения – историография, языковедение, философия – несли на себе печать этого казенного подхода, оправдывающего природные слабости «общественных наук».

К природным слабостям языкознания относима теория «произвольного знака», согласно которой форма лексемы и значение ее ничем не мотивированы и принимать их надо как данность, ниспосланную каждому языку свыше.

II

Этимология – фундамент языкознания. Она может иметь такое же, если даже не более важное, значение для лингвистики, чем археология для историографии или анатомия для медицины. Если обретет точные инструменты лингвистического анализа «наднационального» масштаба. Никто из медиков всерьез уже не воспримет дисциплину «арийская анатомия» или «иудейская эндокринная система». Не состоялись «английская физика», «арабская математика». Но общественные науки, или как их еще называют – «мировоззренческие», служат воспитанию мировоззрения только данного общества, рассматривая его изолированно от остальных. Если ты славист, то тебе нечего заглядывать в тюркологию или угрофинику. Ежели увлекся эскимосским, то зачем тебе латынь!

Этимология (в греческом – «истинное значение слова») в идеале обязана дать знание атомного и молекулярного строения слова, проследить систему внутренних коммуникаций между звуками и морфемами. Закономерности эволюций и революций, происходивших в строе лексемы. И мотивы, то есть причинности формы слова и его значения.

Без всего этого результаты научной этимологии недалеко уйдут от итогов «народной». Учебники не устают высмеивать народную этимологию: «поликлиника» > «полуклиника», «пиджак» > «спинжак». Научная этимология в отличие от «простонародной» владеет методикой, инструментарий которой **составляют фонетические соответствия (Ф.С.) и историко-культурные соображения (И.К.С.)**. Если, предположим, доказано родство славянского и германского слова, и согласно Ф.С. они не могут

исходить из общего источника, то встает вопрос о заимствовании. Кто у кого? Тут в дело включаются И.К.С., которые неизбежно склоняют чашу весов в пользу версии о зависимости славянского слова от германского. Если же совпадают славянское и, предположим, тунгусо-маньчжурское, то можно не сомневаться в выводах: славяне все-таки покультурнее звенков. Множество примеров убеждают, что **«историко-культурные соображения», воспитанные на относительно поздних впечатлениях, не должны иметь право решающего голоса при оценке результатов лингвистического анализа, пока мы не получили возможности проследить все этапы развития слова**. Идеологический подход к лингвистике ограничивает и без того небогатые возможности метода фонетических соответствий. Психология первобытного этноцентризма, делившая человечество на «мы» и «не – мы», нигде так не продолжилась, как в «мировоззренческих науках». При сопоставлении языков отличиям придается большая значимость, чем общему. Все классификации построены на этом. И естественным итогом стало стремление обособить явнородственные языки в «семейства» и сделать их границы непроницаемыми.

Идеология самобытности оправдывает незнание языков других «семейств», даже близких пространственно и во времени. Слависты-этимологи не изучали тюркские наречия за ненадобностью.

«Этимологические словари русского языка» (начиная со словарей Преображенского, Фасмера) откровенно не замечают участие тюркского языкового материала в генезисе словарного состава, и тем более «основного фонда» славянских языков. Поэтому многое и не поняли в языках «своего веденья».

Вовсе не забавляют легенды, сочиняемые этимологами. Иные ничем не отличаются от «простонародных» толкований. В южнорусских говорах и украинском есть слово **чумак** – погонщик волков. Преображенский толкует его, увязывая с рифмующимися **чума** и **чумазый**. По нему выходит, что погонщики, «видимо», обмазывались черной смолой, чтобы, «надо полагать, таким образом уберечься от заразы», проводя обозы сквозь зачумленные районы, «скорее всего» – через Калмыкию до Астрахани и обратно.

Поэтам придется немало потрудиться, освобождая этимологические словари от результатов поэтического творчества языковедов.

Они не всегда безвредны, эти научные легенды.

В «Кратком этимологическом словаре» профессора Шанского и др., выпущенном издательством МГУ 200-тысячным тиражом, слово **чучело** с легкостью производится от этнонима **чукча**. Рифма может и хороша, но, думается, анализируемое слово грамматически лучше рифмуется с существительными, образованными от глагола орудийным суффиксом «-ло» («-дло»): мети-**метла**, вези-**весло**, орать-**орadlo**, радло, **орало**, мыть-**мыло**, шить-**шило**, пугать-**пугало**...

Если бы слово чукча было глаголом, то куда ни шло. Пришлось бы согласиться с производным – «чучело».

...Наверное, следовало привлечь данные ареальной лингвистики, и они бы показали, что **чучело** употребляется в регионах, соседствующих с тюркоязычными областями. Недалеко от татар, которые имеют в лексиконе глагол **чуче** – пугайся. Он и стал, по-видимому, причиной русского термина. И возник, думается, на пару веков раньше, чем русские пришли на Чукотку и узнали о существовании народа чукча.

Поразительно – **этимологи системно не придают значения морфологическим системам**, которые в русском, как и другом, восстанавливаются без особого напряжения мысли. Зачастую они очевидны, как в предыдущем примере. Но ученые упорно продолжают анализировать слова, не оглядываясь на другие, созданные по той же схеме. Каждая лексема – часть определенной системы слов, образующих морфологические группы. Пожалуй, нет ни одного индивидуально созданного слова. И этимолог, берясь за определение генезиса той или иной лексемы, обязан установить группу родственных образований и выявить схему. **Чумак** – явно не русского происхождения. Грамматически родственное словам – **башмак**, **гайдамак**, пришедшим из турецкого языка. Там и надо было поискать причинность.

А **чума** имеет отношение к – **уйма**, **тесьма**, **кайма**, **тюрьма**, **корма**, **кошма**, **косма**... Все эти имена тюркского происхождения, созданные по схеме, продуктивной и поныне: «первичный глагол (императив) + ма (ба, па) = отглагольное имя существительное». В языках тюркских есть глагол **чуу** (**джуу**; **жуу**) – «заражать», «приставать» (о болезни), и есть существительное **чуума** (**джуума**, **жуума**) – «зараза», «заразная болезнь». Долгие гласные в русском издавна опрощаются: **чуума** > **чума**.

И потому произошло совпадение с другим тюркским словом **чумаз** (**джумас**, **жумас**) – «не моет», «не стирает». Откуда и – «чумазый». Основной глагол **чу** (**джу**, **жу**) – «мой», «стирай».

...Украинцы погоняют волков криками: «Цоб! Цобе!». Турки – «Чу! Чу!». Суффикс – «-мак» образует в огузских языках глагол неопределенного действия и одновременно придает именное значение: **чумак** – 1) погонять волков, 2) погонщик волков. Такого же типа и синонимичное **гайдамак** – погонщик, но уже не тягловой скотины, а более резвых животных. Табуны лошадей надо было перегонять на большие расстояния при перемещении войска. И существовали специальные подразделения перегонщиков. В казахском войске их называли **айдауши** (от **айда** – гони, **айдау** – гнать), в турецком **гайдамак** (от **гайда** – гони)².

III

² 1) **Смага** – чад, дым (др.рус.), **смажить** – жарить, чадить: **смага** – жар (др.-рус.), **смак** – вкусное, смачное; **смаглый**, **смуглый** – задымленный, копченый (чеш. **smok**). От **ъс** – накаляйся, **ъсмак** – 1) накаляться, 2) жар, чад, дым (тур.). Весьма древнее образование. Оно может пригодиться и при этимологии английского слова, ныне ставшего международным – «**смок**» – 1) чад, дым, 2) курить, дымить.

Предположим, этимологией займются лингвисты, преодолевшие предрассудки нынешней школы. Исследуемое слово будет включено в обширное гнездо морфологически родственных, в котором представлены все типовые лексемы из разных языковых семейств, без учета И.К.С.

Но удастся ли одним методом фонетических соответствий (Ф.С.) дойти до самой сути, понять «истинное значение» слова, причинность акустической формы и ее содержания?

Представим полную этимологию методом Ф.С. без идеологии И.К.С.

...Славист вскрывает верхний пласт заимствований на -**ма** и приходит к выводу, что славянам стала известна эта морфологическая схема, по которой они создают подобные образования от своих глаголов: **дума** – слово (укр.) от **дуй**, **сума** от **суй**. Тогда выясняется первое значение слова **ведьма** – мудрый, знающий (от **ведь** = «ведай», «знай»), родственное **вещь** – мудрость, **вещун** – мудрец, знающий (др. рус.).

«Народная этимология» церковных идеологов, боровшихся со жрецами язычества, заставила угледеть окончание женского рода там, где его не было, и это дополнило характеристику образа, подавленного христианской оценкой. Лохматая старуха, летающая на помеле.

В славянские языки схема с суффиксом -**ма** пришла скорее всего из тюркских (огузо-карлукских и кипчакских) языков. О чем говорит обилие невидимых тюркизов, некоторые из них требуют к себе внимания, ибо определить генезис этого форманта евразийского масштаба распространения без вариантов аффикса, уцелевших в сокровищнице русского словаря, будет невозможно.

Косма – «спутанные волосы» и **кошма** – «войлок», материалы, образуемые спутыванием, «сплочением» овечьей шерсти, валянием.

Основы этих природно-синонимичных образований должны быть глаголами повелительного наклонения. И мы их обнаруживаем в тюркских языках: **кос** – соединяй, сплывай, скрещивай, спутывай (каз.), **кош** – т.ж. (огузо-карлук.).

Необходимость в самостоятельном, аффиксальном существительном появляется при ослаблении именного значения слова. Оно еще сохраняется в казахском: **кос** – соединение. (Некогда и в огузском, откуда **кош** – казачье войсковое соединение.)

Но тем не менее казахи создают **коспа** – соединение, смесь, спутанное.

Какое из них раньше – **коспа** или **косма**? О первичности м-формы именного аффикса свидетельствуют не только тюркские примеры: в огузо-карлукских с древних времен он применялся, не переходя в -**ба**, -**па**. Об этом говорит и распространенность м-формы в семито-хамитских языках, где формант образует существительное, правда употребляясь в препозиции: «**та**-». Происхождение его неизвестно, равно как и морфологическая схема. Семитологи констатируют, что в отглагольных существительных появляется «ма-», но от какой категории глагольной образуется имя, не указыва-

ют: «Значение этой частицы в настоящее время неясно. По аналогии с другими семьями языков можно предполагать, что она выражала категорию определенности (определенный артикль)»³. В другом месте, говоря о словообразовании в семито-хамитских, И.М.-Дьяконов пишет об этом аффиксе не как об определенном артикле: «Особенно продуктивен в древнейший период, по-видимому, был местоименный элемент **ma**. В доисторический период на его базе образовался префикс многочисленных отглагольных существительных, а также ... арабское отрицание **ma** и древнеегипетские псевдоглаголы отрицания **im**, **tm**»⁴.

Все грамматические форманты – суффиксы, окончания, предлоги, артикли и союзы – были в свое время словами-понятиями. То есть имели лексические значения. Долго употребляясь в постоянном сочетании (фразеологизме) в качестве второстепенного члена, служебное слово сливалось с основным, становясь его придатком. По аналогии с этой словообразовательной моделью создавались другие слова, в которых основа менялась, а вторая часть повторялась до бесконечности, способствуя образованию той же грамматической категории, что и в первом, начальном случае.

Масса лексики, проникая в контактирующие среды, распространяет схему.

Впервые привел меня в языки Древней Передней Азии III-II тысячелетия до н.э. именно этот формант. Его совпадение с арабским отрицателем **ma** заставило вспомнить китайское **ma** – «нет», **ma** – «но» (ит.), **pa** – «нет» (фр.).

В казахском этот формант отрицает глагольное действие и глагольное значение – создает имя существительное одновременно: **тол** – наполняйся, **толма** – 1) не наполняйся, 2) наполненное, пирожок.

После звонкого согласного основы употребляется суффикс со звонким губным: **каз** – копай, **казба** – 1) не копай, 2) копь, шахта.

После глухого – глухим губным: **бас** – 1) ступай, 2) наступи, надави, печатай; **баспа** – 1) не наступай, не печатай, 2) печать, пресса, печатный станок.

(После мягких основ и суффикс мягкий: **уй** – скучивай; **уйме** – 1) не скучивай, 2) куча, уйма; **тиз** – нанизывай; **тизбе** – 1) не нанизывай, 2) низка; **тес** – прокалывай; **теспе** – 1) не прокалывай, 2) прокол, тесьма.)

Вероятно, первым значением этого слова-суффикса было отрицание. И отрицалось не только лексическое значение глагола, но и грамматическое, то есть первичный глагол переходил в имя существительное. Это древнейшее пограничное состояние уцелело в некоторых тюркских языках и наиболее отчетливо в казахском, каракалпакском, ногайском, киргизском, татарском.

Огузы в произношении сокращают конечный гласный, дабы закрыть слог: **бат** – тони, вязни; **батма** – топь, болото (общетюркское), **батым** – топь, болото (др. тюрк., огуз.).

В кипчакских новую форму аффикса принимают, так как она уже не несет в себе отрицания, но сохраняет

за собой только одну функцию – создает имя от глагола: **оль** – умри; **олим** – смерть; **кий** – надень, одень, **кийм** – одежда.

Сохранение прежней формы придавало бы парадоксально-отрицающий смысл созданным от первичных глаголов именам.

ольме – 1) не умирай, 2) *смерть,
кийме – 1) не надевай, 2) *одежда.

Таким образом, появился некоторый выбор грамматических средств, который позволял варьировать их в зависимости от семантики основы.

К сожалению, нет никаких письменных документов, могущих подтвердить факт пребывания тюрков в Древней Передней Азии, но если устное слово творилось не в изолированных от мира обществах, оно может приобрести значимость свидетельства былых связей. Во всяком случае, поместив тюркскую морфологическую схему и аффиксы -**ma**(ме), **ым**(-им) в одно поле внимания с семито-хамитскими **ma**-(ме-), **-im**(tm), компаративистика ничего не теряет, а приобрести может сведения, важные не только для семитологии и тюркологии.

Для славистики, казалось бы, хватит и сопоставлений с примерами из языка «степных соседей».

...Славист-тюрколог обнаружит, что в тюркских языках суффикс -**ma**-(ме) принимает формы -**ба**(-бе), -**па**(-пе).

В масштабе тюркских языков губные согласные тождественны в отличие от индоевропейских.

Это положение важно узнать слависту: тогда он откроет морфологическую схему императив + **ба** = существительное в славянских языках. Суффикс **ба** в славянском универсален и не признает фонетических аналогов (**бори-борьба**, **коси-косьба**, **паси-пастьба**, **моли-мольба**, **суди-судьба**...).

В другом славянском диалекте действовала схема основа инфинитива + **ва** = существительное. Из него в русский вошли пары: **молить-молитва**, **бить-битва**, **пасти-паства**, **брить-бритва**. В таком случае **братва** – «дружина», происходит не от существительного **брат** как полагают, а от глагола **брать**. Лингвисты воровского мира оказались ближе к истине, чем академические, толкуя жаргонное **братва** – «шайка воров». Но в древнерусский язык термин вошел, видимо, из южнославянского, где **брати** – означало не **брать**, но **бороть**.

Южнославянская модель сохранила близость к исходной ***глагол + а** = существительное. Формант ****а** обрел за долгое время многофункциональность в евразийских языках. Он отрицал лексическое значение основного слова, создавая антонимы, отрицал грамматическое (**глагол + а** = существительное; **существительное + а** = глагол и т.д.).

В открытосложных диалектах открывался протетическими согласными (гортанным -**ка**, -**га**, -**ха** или губным -**ва**, -**ба**, -**фа**), в наречиях с сильной инерцией закрытого слога закрывался теми же протетическими (-**ак**, -**аг**, -**ав**).

Только в тюркских языках губной в мог превратиться в б (ибо тюрки не произносили слабые губные) и далее в м.

³ И.М.Дьяконов, «Языки Древней Передней Азии», М., 1965, стр.215.

⁴ Там же, стр. 229.

Механическое чередование б/м можно назвать «тюркским». Более ни в одной языковой группе оно не сохранилось во всей отчетливости: («бен» – я, «буз» – лед, «бин» – 100, «бурун» – нос и т.д. Это в турецком, а в казахском соответственно – «мен», «муз», «мын», «мурун» и т.д.)

Было достаточно времени, чтобы тюркам заимствовать схему с суффиксом -ва и превратить его в своем произношении в -ба, а славянам «вернуть» себе эту схему уже в тюркской интерпретации: основной формой глагола в тюркских является императив (в индоевропейских – неопределенная форма глагола). И только тюрки-кипчаки могли преобразовать *ва > ба > ма.

...Огузы больше ориентировались на свой именной суффикс [императив + ик (ык, ук) = существительное]. Хотя в отдельных случаях применяли и «кипчагизм», но только в универсальной форме -ма (-ме).

Термины этого типа, рассыпанные в древнеевропейских словарях, не всегда выступают в паре с основным глаголом, как, скажем, литовское **kas** – копай, **kasba** – копь, шахта. [Ср. **kaz** – копай, **kazba** – копь, яма, шахта (каз.).]

Чаще отглагольное существительное сохраняется в словаре без глагола, что свидетельствует о заимствовании или об утрате основы.

Так, огузское **derik** – шкура, кожа, оболочка, кора. Ясно по образованию и соответствует «кипчагизму» ***derma**, уцелевшему в греческом **derma** – кожа, оболочка.

Но ни в греческом, ни в тюркских уже нет глагола ***der** с подходящим значением. Можно предположить, что основа глагола жива в славянском **deri** – обдирай, сдирай. Тогда ***дербьба** – то, что обдирают, сдирают (со ствола дерева?). Не отсюда ли **дербанить** – сдирать, **дерюга** – 1) *кора, шкура, 2) грубая ткань (***derik** > **deruk**)

...Вернемся к группе русских **косма** и **кошма**. Я полагаю, что самой ранней формой названия соединенных волос было слово, уцелевшее только в славянских – **коса** – «заплетенные волосы». Некогда – «соединение» (кипч.).

Праформа развивалась, по-видимому, в славянской среде, где формант стал произноситься открытосложно:

***кос-а** → **коса** – соединение (тюрк., слав.)
 ***кос-ва** > **косба, коспа** – соединение (тюрк.)
 > **косма, кошма** (тюрк., слав.)

Первичное значение ***а** – отрицание. Нам этот аффикс знаком по европейскому применению перед словом: атеизм, амораль, аморфность. Однако и в постпозиции ему находилось применение. Формант отрицательной мужской род (byk – бык; byka, тисса – «корова» в южнороманских, «теленки» – в кавказских) именительный падеж и ед.число (лес-леса, леса; берег – берега, берега – в славянских). В церковно-славянском – род. падеж выражается суффиксом «-ва».

Долгое время этот формант ***ha/a был единственным в языках малого человечества. Этим и объясняется его многофункциональность. Постоянно

употребляясь в финале слов, звук этот начинает применяться и механически, для открытия конечного слова. Особенно заметен в заимствованных словах: **улик** – труп (тат.) > **улика**; **оттав** – покос (каз.) > **отава** – место покоса; **алачук** – маленькая юрта (огуз.) > **лачуга**; **бук** – 1) письменный знак (рус.), 2) книга (др.герм.) > **бука** > **буква** – 1) письменный знак (рус.), 2) книга (южнослав.); ***cirk** – храм (др.лат.) > **cirka** – кирха (герм.) > **церква** и т.д.

В тюркских эта флексия используется в глаголах, отрицая: 1) именную основу: **сан** – счет, **сана** – считай; **кан** – кровь, **кана** – кровотоки, **тунь** – ночь, **туне** – ночуй (каз.); 2) глагол, образует деепричастие настоящего времени (как и в русском): **бар** – иди, **бара** – идя, **бас** – ступай, **баса** – ступая; **бер** – дай, **бере** – давая; **жак** – жги, **жага** – жгя, жга. Славянские и тюркские языки – хранилища древнейших евразийских формантов и морфологических схем. Этот вывод я делал не по запальчивости, а желая привлечь внимание к языкам, которые были незаслуженно обделены.

II

Некогда очень близкие, культурно-родственные миры. Не генетическое родство я вижу, а именно культурное. Оно не исключает обмена всеми категориями лексики, отнесенными к «основному словарному фонду» (простые числительные, названия частей тела и пр.), и даже, как видим, морфологическими схемами, грамматическим материалом.

Проторусичи и протокипчаки обменивались «новинками». Кто первым применил новую флексию первичного глагола – *i, вытеснившую более древнюю *a? В славянских теперь она, отрицая существительные, образует глагол повелительного наклонения: цвет-и, свет-и, дым-и.

В тюркских этот формант мог сохраниться только после мягких основ. В казахском звучал он открытосложно, с гортанным протезом: *i. Например, **иис** – запах, ***ииски** > **ииске** – нюхай, вынюхивай, ищи (о собаке).

В русском эта лексема переработалась с выделением более привычного *i, что привело к появлению ложного имени: ***иски** > ***иск-и** (иск, по-иск, розыск и т.д.) > **ищи** (сочетание «ск» перед мягким гласным переходит в мягкий шипящий: треск-трещит, блеск-блещет).

После твердых основ аффикс отвердевал *ki > *кь. (Ныне краткий небный ъ сохранился только в кипчакских, а из славянских – в болгарском. В казахской кириллице ошибочно передается долгим «ы»). Звука, ему соответствующего, в казахском языке нет. И потому лучше передавать некоторые примеры латиницей: ***tok-ki** > ***tok-ky** > **toky** – тки (каз.).

Глухой гортанный в интервокальном положении должен озвончиваться. В казахском языке этот фонетический закон действовал системно. И только удвоение «к» мешало ему перейти в «г».

***Ук-ki** > **уккьу** > **уку** – 1) учи, учись, 2) читай (кипч.). В русском приемлемы звуки разного качества в одном слове, и потому переходный этап тюркской формы со-

храняется и подлежит восстановлению *ukī > «учи». Именная основа «ук» участвует в предложных: неук (неуч), наук(а) > нарук > нарук.

(В другом месте мы проведем параллель между германским *buk — 1) «письменный знак», 2) «книга» и тюркским производным uk — 1) понимай, 2) внимай.)

Появление нового форманта отрицания помогло славянам разнообразить арсенал грамматических средств. Новый и старый будут чередоваться, выполняя одни и те же функции в диалектах. В славянских установимо общее происхождение **сочинительных союзов и окончаний множественного числа (-а; -и)** В церковнославянском и некоторых западнославянских союз «а» тождествен восточнославянскому «и», церковнославянское окончание множественного «-а» тождественно восточнославянскому «-и»⁵.

Русские чередуют эти форманты, придавая множественность и падежность.

III

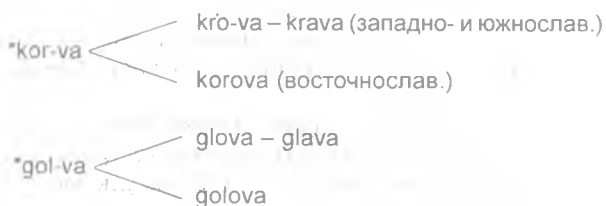
Я постепенно убеждался, что турки и славяне не были чужими на пиру языковтвора. И дальше пренебрегать материалами их наречий при восстановлении истории других мировых языков, лексики их и грамматики будет неразумно. Но поиск истины всегда сопряжен с преодолением чужих и собственных амбиций. Они, как рвы или каменные стены, пересекающие дорогу друг к другу. Обнадеживает сознание, что конец столетия становится временем разрушения стен, даже таких, как Берлинская

Все дороги — из Рима?

Отвлекаешься на побочные ассоциации, узнаешь не так нужное для твоей основной темы. Но спрятать путь к искомому пункту, минуя курганы, не удастся. Раскапывая их по пути, находишь черепки и городища — может быть, к этому ты шел?

Надо ли тюркологу знать о законе «метатеза плавного», проявлявшемся с особой последовательностью в славянских языках?

И надо ли разведывать, почему плавные (л, р) перед другими согласными ведут себя беспокойно, пытаясь создать некий люфт из предшествующего гласного или обложиться подобными?

⁵ Явление *а = *і имеет евразийский масштаб. Все примеры здесь не соберешь. Достаточно, как дополнительный намек на тему, указать на равенство образований с этими фонемами-формантами, скажем, в итальянском: Qui = Qua — «здесь»; di = da — «из».

Если мы хотим выяснить все тонкости взаимоотношений славянских и тюркских языков, то, не ведая этого закона перестройки закрытого первого слога в открытый (в диалектах с инерцией первичного открытого слога) и наоборот, не узнать, насколько близки, скажем, «ort», «urt» — полость рта, защечный мешочек (тюрко-кипч.) и славянское «рот», а также lut — народ (д.в.н.) и ult, ulth, ulyth — народ, государство (общетюрк.).

Пусть неправильно — «метатеза плавных» (перемещается, скорее всего, гласный относительно плавного), но не все правильное удобно для употребления.

От позиции гласного зависит структура слога — закрытый или открытый. Начальный слог можно открыть, оставляя гласный на месте, но применяя протетический согласный перед ним: осемь > восемь, *ойльк > войлок (в казахском — ойльк — орнамент кошменных ковров), *oda > voda. Восточные славяне открывали начальный слог губным протезом. Явление это древнее и присуще было не только славянам. В среде тюркских языков таким подходом отличается чувашский:

ot, ut — огонь (общетюрк.) > vut — огонь (чув.); ol, ul — он (тюрко-кипч.) > vul, val — он (чув.) и т.д.

Из романских предпочтение губному протезу отдавали итальянцы. Если латиняне открывают слог гортанным — *omo > homo — человек, мужчина, то итальянцы — *omo > uomo, uomo — т.ж.

Проверим, как действовали эти механизмы в «апеннинских» диалектах доримского периода. И заодно узнаем одну из промежуточных дат из родословия схемы образования отглагольного существительного на — «та» (ba, pa, va).

Ululo — выть (лат.)

Соответствие этому глаголу находим только в тюркских ulu — выть, ul — вой (общетюрк.)¹. Учитывая особое отношение к Воющему (так табуистически называли волка, считавшегося прародителем тюрков), можно увязать с именем этого животного происхождение ulyk, uluk, ulu — 1) *воющий, 2) великий (тюрко-огуз.). Кипчакское производное выглядело бы — *ulpa, ulma, ulba.

Мы поймем механику преобразований, которые разводили на расстояния некогда культурно-родственные языки.

II

...В древнеевропейских диалектах существительное *ulъk могло открыться губным протезом *wulъk > «волк», «вулк», «вук» (слав.).

Славяне здесь не применяют закон «метатезы плавного», потому что после «l» шел полугласный, помогающий избежать стыка согласных. Иначе бы мы сейчас имели «luk», «lok» — вместо «volk».

Более раннее образование с другим именным аффиксом *ul-ра, осваиваясь в открытосложных средах, дало название хищников:

В лат. глагол этот сначала был создан удвоением *ul-ul, затем оснастился глагольным окончанием: *ulul-o.

Конечный гласный совпал с индоевропейским окончанием ж.р.: **vulpa** – лиса, **lupa** – волчица (лат.). Пере-разложение вызвало выделение ложной основы м.р. – ***vulp-**, ***lup-**. Здесь-то германцы и получают **vulf**, **volf** – волк. Латиняне не обходятся без суффикса м.р. – **lupus** – волк, **vulpys** – лис.

...Существующий метод фонетических соответствий позволил бы понять генезис этих слов нелатинского и негерманского образования, если бы был усилен знанием механизмов закономерных морфологических изменений. **Этимологии латинского, германского и славянского названий хищников из вида собачьих нет.** Наша версия пока единственная.

Итожа этот этюд, я полагаю, что в развитии тюркской праформы наименования Воющего принимали участие славянские племена («метатеза плавных»). А термины остались на Апеннингах и в германских.

III

О вторичности открытосложного суффикса **-та** в огузской языковой среде с развитой инерцией закрытого слога свидетельствуют его превращения. **Огузы стремились в произношении закрыть конечный слог.** Это приводило или к появлению гортанного согласного в финале кипчакского ***ur-pa** – происхождение, поколение, род > **urpak**.

В казахском представлены обе формы – и огузская **uryk**, **uruk** – «род», «племя», «потомство», «семья», и огузизированное **urpak** – «поколение». Казахский язык – смешанного типа, но с преобладанием кипчакского начала, что проявляется в стремлении открыть конечный слог. И страдает при этом огузский протез: **derik** – кожа, **kycyk** – маленький, **dirik** – живой, **ulug** – великий (огуз.). И соответственно казахские – **teri**, **kisi**, **tiri**, **uly**.

В этом же ряду **uru** – «род», «племя», соответствующее огузскому – **uruk** – «род», «племя».

Глагол **ur** – «оплодотворять», сохраняется в тюркских диалектах. В казахском он перешел в разряд «несветской» лексики. Но семантика существительных, произведенных от него уже в глубокой древности, вышла на уровни обобщений – «племя», «народ», «общество». О чем говорит значение шумерского слова **Uruk**, ставшего названием главного города на реке Тигр – «общество», «сообщность», «племя» (шум.).

«Кипчакский» вариант существительного проявил себя на берегах Тибра – **Urba** – «город», «Рим» (лат.).

Угро-финны унесли из Древней Передней Азии или из Южной Европы **urma** – стойбище, поселение (коми).

Недавно в Италии (издательство Герарда Казини) вышло переиздание шеститомной «Истории Рима» Теодора Моммсена. Впервые этот фундаментальный труд, обобщивший все сведения античных источников и мне-

ния историков XIX века, был опубликован в 1885 г. Работа не устарела, о чем свидетельствуют комментарии современных издателей. За целый век наука о Риме не добавила никаких новых сведений в толкования первоисточников, в том числе и в этимологию имени Вечного города. Вполне актуально звучит: «Невозможно выяснить, как и когда имя «Roma» вошло в обиход (и что оно означало), единственно, что можно сказать – население одного из холмов Рима называло себя **ramnes**. Невозможно с уверенностью уточнить этимологию и этого имени» (Указ. соч. т.I, стр.48). Автор отвергает как несостоятельные попытки произвести название города от имен легендарных основателей его, вскормленных Волчицей – Romulus и Remus. Но нам кажется – какая-то связь между этими созвучиями все же существовала. Теперь, зная, что уменьшительные формы создавались аффиксально и умлаутом, мы можем предположить семантическое равенство имен близнецов: ***Rom-ul(us)** = ***Rem(us)**. Исходной формой могло быть имя их родителя ***Rom** или родительницы **Rom(a)**. Roma – богиня-покровительница Рима в легендах. Вероятно, так назывался герб первого поселения, содержащий знак «рода-племени», истолкованный образно «Волк», «Волчица») и косой крест – символ близнецов. Противоположных друг другу, но равных. Для их наименования использовали оба известные грамматистам способа уменьшительности. Что же касается этнонима Ramnes, едва ли можно произвести его от ***romanes** – «римляне». Если не допустить возможность искажения проторимского слова в произношении нероманского этноса. Романцы же сами себе такого не позволяли: **romana** – «римлянка», **romanus** – 1) «римлянин», 2) «римский»; **populus Romanus** – «народ Рима» и т.д.

IV

...Историко-культурные соображения настояны на убеждении, что тюркские и славянские языки в римские, а тем паче – в доримские времена не существовали вовсе.

В древней буквенно-письменной истории сведений об этих народах не найдено. Германцам повезло: римские писатели упоминают их хотя бы в образе варваров в первые века новой эры. Пусть и не под нынешними этнонимами, но можно узнать по другим признакам. Как то – личные имена, отдельные слова...

Ни славянизмов, ни тюркизмов в латыни никто не искал.

Этнонимов тюркских не обнаружишь даже в недавних, древнерусских летописях, несмотря на то, что они наполнены описанием событий, потрясавших Русь и Дикое Поле в средние века. Чужие народы выступают только под кличками. Германцы – «немец» («не мы е», «нем-есть», «нем-етс»). Переносное значение – «немые».

Финские прибалты – «чудь», «чуж», «чужд», «чухна».

Степняков нарекают в разные времена «половцы», «печенеги», «татары», «языги», от тюрко-огузского

«язык» — степь. Противостояние кочевников и земледельцев имело глубокие исторические корни, ответвления от которых проявляются в Южной Европе.

После принятия новой религии слова **языги**, **язычники** (т.е. «степняки») обрели христианско-оценочный смысл — **нехристи**.

Наряду с тем **язык** продолжает свое вполне позитивное существование в русском. (Это слово-омоним происходит от огузского **язык** — письмо, надпись, письменный текст; **язы** — т.ж.; **язычи** — писатель (азерб.), образованные от **яз** — 1) пиши, 2) расстилай (свиток). Кипчакское **язба** — «письмо», «надпись», возможно, следует видеть в увязке с **язва**, если предположить, что в пору заимствования письмена вырезались на твердых материалах.)

Языги — так степняков могли назвать только восточные славяне, чьи наречия знали действие фонетического закона: «глухой гортанный в интервокальном положении озвончивается». [Алачук — нищая юрта, хижина (огуз.) русскими произносится — лачуга. Мало того, что полностью перестроилось закрытосложное (ал-ач-ук) в открытосложное (ла-чу-га), но и глухой гортанный, оказавшись между гласными, озвончился.

То же случилось и с казахским **сырмағ** — «вид ковра», превратившегося в **сермяга** — грубая дмоткань². Даже в новейшей паре «бедняк-бедняга» чувствуется отголосок закона, увы, не услышанного славистами. В тюркских такое превращение системно.]

...Латиняне знали кочевые «сарматские» племена — **iazuges**. Овидий (43 г.до н.э. — 17 г.н.э.) и вслед за ним Тацит (55–120 г.г.н.э.) отмечают **языгов** на берегах Азовского и Черного морей, а позднее, в царствовании императора Клавдия, — по нижнему Дунаю. Сами тюрки себя так не величали. Это славянская кличка-этноним, интерпретирующая тюрко-огузское «нормальное» слово. Его можно признать пока **самым древним из славяно-тюркских речений, встреченных в буквенной письменности**. Я бы сомневался в его происхождении, если бы не звонкий гортанный, возникший между гласными.

В своей программе, которую, может быть, слишком амбициозно определил как возрождение истории неисторических народов, тюркским и славянским материалам отводились поначалу самые верхние пласты стратиграфии. Но потом все чаще стал встречать их на нижних этажах.

...Выявляемые фонетические и морфологические закономерности помогут обогатить «историко-культурные соображения» фактами, допускающими тюрко-славянское присутствие в античном Средиземноморье и Древней Передней Азии.

Шумер — что это?

От Орхона до Орхона¹

1. Историческая лингвистика — море материала, в котором может потонуть любой поиск. Если наука — драма идей, говорил я себе, то исследование надо подчинить законам драматургии — соблюдая единство времени, места и действия. Иначе не выбраться! Пытался ограничить поле исследуемого тюркского слова известными ареалами его обитания — монгольские степи, Алтай, Средняя Азия, Поволжье, Закавказье, Крым, Анатолия... Но я уже укрепился в убеждении, что к орхонским текстам VIII века древнетюркский подошел с полным словарем, совершенной грамматикой: этого богатства за один-два века не сотворить. Язык не изменился в последующие века. Любой образованный тюрк поймет текст эпитафии великому кагану Куль-Тегину, начертанный на каменном обелиске в голой монгольской степи, неподалеку от реки Орхон. Просвещенный визирь Бильга-Тоньюк («Знающий Тоньюк») — автор рассказа о славных делах создателя тюркского Каганата в степях, которые позже станут монгольскими, написал в той эпитафии и о себе несколько слов:

*«Тунь удумадъм
куньдуз олурмадъм
кара таримди токтим,
кьзъл каньмдь югурдтим —
турк будун учун»*

*«Ночами я не спал,
днями я не отдыхал,
черный пот свой проливал,
красную кровь свою заставлял (быстрее) бежать —
во имя тюркского народа»*

726-й год.

И через 12 с половиной веков эти слова одного из многочисленных тюркских диалектов сохраняют лексическую, грамматическую и, сказал бы, — политическую актуальность. Что изменилось? Архаично прозвучит для большинства тюрков «удумадым» — «я не спал». В современном турецком — «уіумадым». Но значит ли это, что древнетюркское «д» развилось в турецкое «і»? Мы уже знаем, что последовательность иная была i/d. Турецкое уіума́к — «спать» — древнее, чем древнетюркское удума́к — спать? Значит киргизское уй — «корова» предшествовало древнетюркскому уд — «корова»?

Но киргизские нормы не отразились в письменности раннего средневековья. Как это посчастливилось наречию племени, выдвинувшему из своей среды кагана, чей диалект и стал литературным языком его империи.

Чтобы дойти до «д», йоте пришлось проделать великий путь, состоящий из нескольких этапов. Цепь развития узкого мягкого установима: i > 'i > gi > dži > dzi > d'i > d' > d(t).

² Сюда же ранее приведенный пример — **ysmak** — чад, дым, жар > **смага**. Наряду с **smok** — чад, дым (англ.).

¹ Шумерский город Урук древние греки почему-то называли — Орхон.

Такое расстояние от турецкого *уїмадъм* до орхонского «*удмадъм*», от киргизского *уй* – «корова», *аіак* – «нога», *каїън* – «жена» до древнетюркских *уд*, *адак*, *кадън* с теми же значениями.

Однако практика свидетельствует, что устоявшиеся парные соответствия в языках позволяют непосредственно реагировать на йоту с любой привычной позиции, не вызывая всей цепи превращений. Казах, привыкший вместо йоты в начале слова произносить «ж», не будет самостоятельно проделывать весь путь *i > gi > dzi > dz > z ...* Он реагирует сразу традиционным соответствием. Это заметно на новых заимствованиях: «ящик» (*іащик*) > *жащик*, Япония (*Іаропіа*) > *Жапония*. Так, вероятно, было и в древности. Буква D-j (др. тюрк.) подозрительно совпадает с этрусско-римской D-d. И если она участвовала в письменном слове, то одни читали – *ud*, другие – *ui*.

Нынешние алтайские тюрки поймут древнетюркские тексты лучше, чем анатолийцы или среднеазиаты. На Алтае продолжают называть корову – «уд», «ут». И «удмадъм» – «я не спал». В богатом материалами «Этимологическом словаре тюркских языков» Э.Севортяна (пока успел выйти, к сожалению, только один том, посвященный словам, начинающимся с гласных) значений *уд* (ут, *ui*), собранных в сорока тюркских наречиях, несколько больше. Автор словаря располагает их в таком порядке: 1) **бык**, 2) **корова**, 3) **созвездие Тельца**. В Древнетюркском словаре (ДТС) приводятся примеры из текстов: *adagy ud adagy deg* – «его ноги подобны ногам коровы». На современном киргизском эта фраза звучала бы – *aiagy ui aiagy dai*. Как в пратюркском?

Если за прошедшие тринадцать бурных веков тюркские языки не изменились, что могло им помешать оставаться такими же еще тринадцать столетий до Орхона, и еще, и еще по тринадцати счастливых и несчастливых веков? Очевидно, что на создание такой сверхпрочной грамматически-лексической системы, какой предстает язык текстов Орхона, потребовалось не одно тысячелетие. Где он рождался и мужал? В каких краях земли? В Монголии тюрки – не автохтоны. Археологи это уже знают. Откуда пришли в Монголию? С Алтая? На Алтайских берегах Енисея – множество памятников, буквы которых схожи с орхонскими. Некоторые формой архаичней. Но и Алтай не прародина.

...Сегодня до южных провинций Ирака, где на берегах Тигра и Ефрата творились цивилизации Шумера, Вавилона, Ассирии – не так много часов лета. На лошадах и верблюдах было, наверное, больше.

«Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннар равнину и поселились там» (1 кн. Моисея, 11, 2). Исследователи Библии полагают, что древние евреи так называли страну великой цивилизации. В аккадских источниках – Субар, в позднеавилонском – Шубер, Шумер. Вот как пишет популяризатор археологии Э.Церен об Уруке – главном городе Шумера: *«Урук был городом, где свершилось самое значительное событие в истории человеческой культуры. На земле Урука впер-*

*вые обозначился порог, через который шагнул человек из тьмы веков дописьменного периода в историческую жизнь, уже озаренную светом письменности. С появлением первого пиктографического письма на Востоке началась эпоха, отраженная в подпадающих прочтению документах, то есть, по представлениям цивилизованного мира, первая историческая эпоха. Все, что было до этого времени и, следовательно, не нашло никакого отражения в письменности – это еще не история, а предистория, анонимная и безграмотная. Поэтому история, в сущности, начинается в четвертом слое раскопок Урука. Именно там лежали самые древние документы из найденных до сего времени в Азии»*². Четвертый слой Урука, где нашли древнейшие глиняные таблички, датируется IV тысячелетием до н.э.

Шумеров сгоряча посчитали и самым древним на земле народом. Путеводители по Ираку точно указывают место, где поселились Адам и Ева после изгнания из рая. От них, дескать, и произошли шумеры, а следом и остальные народы отпочковались.

В наши дни данные археологии и антропологии позволяют прийти к осторожному заключению, что первое население Двуречья не произошло на месте, а появилось там откуда-то с Севера. Кто-то говорит об Иранском Нагорье, кто-то настаивает на Кавказе. По черепам из погребений определили, что шумеры не были однородным этносом: брахицефалы («круглоголовые») и долихоцефалы («длинноголовые»).

Лингвисты, справедливо убежденные, что язык такой великой цивилизации не мог исчезнуть бесследно, продолжают искать его отражения в нынешних наречиях Евразии. По-моему, общая ошибка – ищут генетически родственные шумерскому. Но родство может быть и культурное, когда генетически неродственные этносы, длительно взаимодействуя, взаимообогащали свои словари названиями общих предметов, символов общих культов – терминами всех категорий словаря.

Шумер за тысячелетия бурного существования распространил свою письменность по всем культурам Передней и Малой Азии. А ведь знаки-иероглифы переходили с названиями, которые являлись словами-понятиями.

Активная международная торговля способствовала диффузии простых числительных и названий товарных предметов. И этот путь шумерским словам не был заказан. Да и сам словарь шумерский должен был пополняться в процессе исторического взаимодействия.

Археология исчерпала свои возможности. Теперь прояснить историю древнейшей письменной цивилизации может только этимология. С кем шумеры были в долговременных контактах и какими были уровни этих встреч, расскажет слово. Заявить сейчас, что на шумерскую культуру могли оказывать влияния какие-то из поныне живущих, так же опасно, как утверждать, например, что латиняне заимствовали германские числительные, а славяне переняли у тюрков термины письма и земледелия.

² Э.Церен, «Библийские холмы». М., «Наука», 1966, стр. 155.

Но если шумерский язык был не богоданный, а сотворенный человеком, то он, как все живое, знал периоды младенчества, роста и возмужания. А значит, нуждался в опыте более взрослых культур, какие, несомненно, на его пути встречались. Может быть, и письменность шумерами была завоевана, отнята у покоренных племен и присвоена.

Даже такие мысли приходят по ходу работы над шумерскими материалами

Разве не так поступили древние семиты, ворвавшись в Двуречье? Они накатывали из раскаленных пустынь Южно-Аравийского полуострова начиная с середины III тысячелетия до н. э. и постепенно вытеснили многоязыкие народы Месопотамии. «Этнические чистки» происходили не разом, как в наш динамичный век. Процесс ассимиляции и выдавливания бывших хозяев земель мог протекать веками. Политически доминировавший этнос в этих условиях усваивает важнейшие элементы субстратных культур, что было бы невероятно при одномоментном захвате и истреблении.

Древние семиты, каковых мы чтим под именем аккадцы (по названию города Аккад – будущий Вавилон), переняли позднюю шумерскую письменность (клинопись). Создали глиняные словари, в которых поясняли шумерские иероглифы и слова. Благодаря этим силлабариям мы узнали о народе Шумер и его языке, который использовался в древневавилонском государстве, как латынь в средневековой Европе. Шумерские и древнесемитские слова в языках индоевропейских, угро-финских, тюркских и даже в ханьском (китайском) яснее археологических данных рассказывают о том, что Древняя Передняя Азия была некогда местом обитания и этих этносов, разошедшихся по миру в результате апасионарного взрыва южноаравийских племен.

II

В 1976 году писательские дела привели меня в Ирак. После конференции выбрался из Багдада на раскопки Вавилона. В начале века европейские археологи обратили внимание на холм вблизи арабской деревушки Бабили. Первый случай, когда лингвистика помогла археологам определить место поиска. Чтобы получить средства на раскопки кургана, необходимо было доказать спонсорам, что «Бабили» – это арабское произношение имени великого города-государства. Согласно библейскому сказанию, люди начали строить вавилонский столп в те времена, когда на земле еще существовал один язык. И воздвигали его так долго, что общечеловеческий язык раздробился на множество наречий, а строительство башни утратило свой изначальный смысл. И, чтобы остановить бессмысленное столпотворение, Яхве смешал языки потомков Ноя: «Смешаем там языки их, так чтобы один не понимал другого» (Книга Бытия, гл. 11, стр. 7).

Народная этимология проявляла себя в создании сюжетов библейских сказаний. Авторы библейской по-

вести не знали древнесемитского, на котором Babilu означало «врата божьи». В древнееврейском же это имя ассоциировалось со словом, означающим «смешение». И как считает Зенон Касидовский («Библейские сказания». М., 1966, стр. 36): «В результате звукового сходства обоих слов, Вавилон легко мог стать символом языкового хаоса в мире, тем более, что был многоязычным городом».

Если бы славянские жрецы толковали название города Вавилона («Babilon»), уверен, что в легенде возник бы сюжет, связанный с Бабьим Лоном. Линию развития этнической истории удобно представлять неуклонно поднимающейся от какой-то исходной точки в доистории. Во многих случаях она выполаживается, превращается в горизонталь. Ведь дошли до нас племена с первобытно-общинным строем. Но, по-видимому, реалистичней другая геометрия – Кардиограмма. Чередование периодов взлетов и деградаций культур. Этноты, ныне пребывающие в состоянии анабиоза, некогда могли быть участниками и вершителями великих цивилизаций. Пройдя по асфальтированным мостовым столицы Древней Передней Азии, дойти до северных болот или увязнуть в трясине степей. А можно было и, не сходя с места, ухнуть вниз от дворцов Вавилона до саманных хижин Бабили.

В багдадском музее я вчитывался в страницы «глиняных книг». Особенно интересовали таблицы с текстом шумеро-аккадского (вавилонского) словаря, благодаря которым и удалось ассириологам узнать о неведомом до XIX века народе – шумерах, царивших на этих землях до прихода древних семитов – предков вавилонян, финикийцев, евреев, арамейцев, арабов. Первые из них переняли шумерскую слоговую клинопись и пояснили в словарях-силлабариях названия и значения некоторых образных знаков, иероглифов, которыми шумеры пользовались прежде, чем перейти на слоговую клинопись. В самых нижних культурных слоях Вавилона (IV тыс. до н. э.) найдены глиняные таблицы с рисунками, которые я считал доиероглифами. Вот они самые древние изображения юрты. Чем они отличаются от нынешних тюркских или монгольских походных жилищ? Сохранались предметы и явления, значит, должны были и названия их проходить с ними сквозь пласты времен. Дом, корову, быка – не отменили, не растеряли на путях своих. И Бога не утратили.

«Шумер – не ме?» с шумерского языка эта фраза переводится: «Шумер – что это?» Мы вправе считать словосочетание «не ме?» самым древним фразеологизмом из звучащих ныне в языках Земли. Это постоянное сочетание слышится в сегодняшних тюркских языках: *nā mā?* – что это? (узб.), *ne men?* – что это? (туркм.), *ne mene?* –

IV

Соотносимость шумерского числительного **u** – и прототюркского ***uṇ** > **un** мне представляется возможной. Утрата конечного согласного – характерная черта лексикологии новшумерского языка.

Эта тенденция – свидетельство «борьбы» с закрытосложными формами. В новшумерском возобладала исконная привычка к открытому слогу. (Сходные процессы характерно сказались и на форме китайских слов.)

Большинство тюркских языков изначально отдавали предпочтение закрытому слогу, и потому не утратили конечных согласных. Даже таких слабых, как носовой. И мы вправе попытаться предположить общие праформы шумерских и тюркских слов:

> ***uṇ** un – десять (тюр.)
 u – десять (шум.)

Личные местоимения дошли до новшумерского без иероглифов, в записи слоговой клинописью:

meṇ meṇ – я (тюр.)
 me – я (шум.)

***theṇ** sen – ты (тюр.)
 ze – ты (шум.)

Если эти соответствия – часть гораздо более значительной системности, которая может свидетельствовать о былом тюрко-шумерском взаимодействии, в котором прототюрки играли активную роль, то следует предположить, что в новшумерский период уже тюрки пользуются плодами развитой шумерской культуры. Они заимствуют в свое создаваемое иероглифически-буквенное письмо части сложных шумерских знаков и отдельные простые.

Как мы полагаем, знаку солнца ➤ **ud** – солнце (шум.) предшествовал иероглиф с косым крестиком ➤

Тюркский грамматист прочитывает его справа налево (как было принято в древнетюркском письме) и получает отдельные знаки: **x-d'** > **u(o)**. Это может свидетельствовать о переходном этапе трансформации йоты: **d'/d**. В новшумерский период процесс отвердения зубного завершается.

Шумеры писали в ранний период сверху вниз, затем перешли на горизонтальную строку – слева направо. Этот сложный знак прочесть в порядке ***u-d'** были в состоянии только те, кто писал противоположно, справа налево. Одно это может служить аргументом в пользу тюркского происхождения сложного знака, составленного из двух простых: угла (пятерки > десятки) и крестика (двойки). Шумеры же справа налево не писали.

... До финикийского алфавита дошли варианты креста **X** + в значении **t**. Если бы они применяли

знаки для гласных, я не сомневаюсь, что одним из них был бы «угол» – **u** (о). Эта пара отразилась в южноевропейских: – **u**, **†** – **t** (лат.). В коптском: **†** – **ti**.

Ответвление

На ранней стадии развития знака северной луны **uṇ** в открытосложных диалектах образовались произносительные формы ***hun** – **wun**, **ṽ** > ***huṇ** (**wuṇ**).

Отголосок этого звукосочетания слышится и видится в **gon** – угол (греч.), **gun** – муж, мужчина (монг.) и т.п. Месяц-бык станет символом мужей, предводителей «стада»: **han** – хан (тюрко-монг.), **wan** – князь (кит.). В Европе – **van**, **fon**, **pan** – титульные слова.

В протокитайском письме так, вероятно, изображали боевой лук: **ṽ gon** (**gong**) – лук.

Совершенствуется форма оружия, соответствующе изменяется рисуночный иероглиф: **ṽ** – **gong** – лук (др. кит.).

Там, где луну изображали кругом, производят бубен – **gong**. Греки от этого варианта получили слово ***onk** > **onkos** – пузырь, опухоль.

Я столь подробно останавливаюсь на этих названиях знака луны явно дошумерского периода, потому как одно из них станет основой распространенного в Евразии и далее названия солнца.

☉ ☉ Аффиксальные: ***kuṇ-i**; ***i-kuṇ** (**i-koṇ**); **kuṇ-'a**; ***a-kuṇ** }

☉ ☉ Внутренняя флексия: ***kaun**; ***kuan** > **kuun**, **koon**, **kaan**
***kiun** (**kūṇ**); **kuiṇ**; **keṇ** (**kiṇ**)

Иероглифы уцелели только в письменности майя: ☉

kin, **king**, **kin** – «солнце». И в древнекитайском: ☉ **re** (фонетически – **жи**, восходящее, судя по всему, к праформе ***gin**, ***gen**)

Но детали разрушенной временем системы позволяют восстановить утраченное. Инкскому названию солнца **kon**, вероятно, сопутствовал знак, подобный иероглифу майя. И праформа слова содержала искусственный мягкий (***kōn**), который сохранился в большинстве тюркских: **kūn**, **kōn**, **kin**, **gūn**, **gūneš** – солнце.

В индоевропейских распространились внутреннефлективные формы названия того же знака:

***kaun** koon – soon – saan
 kaul – saul – sool

***kuan** – suan – sual – suar

...Славяне отказались от внутренней флексии. Антилог создали своим постфиксом отрицания: ***sol-no**, ***sol-n** + артикль ***the**

II

Позже образовалось другое название солнца в тюркских языках: ☾ *u – *луна, ☼ *u-i – *солнце.

Точка в письме на твердых материалах часто утрачивается, сливаясь с естественными шероховатостями скальной поверхности. Возможно, это обстоятельство потребовало применения более выразительного средства отрицания луны. К этому времени месяц с точкой воспринимается как «месяц»: *ui – месяц, луна. Ныне в подавляющем большинстве тюркских языков, да и в древнетюркском – ai. Добавляя черту, вторично отрицая луну: D – *i-ai > iai – солнце (др. тюрк.)³.

В древнем Китае уже было «солнце» с точкой ☉, и аналогу, попавшему в письмо II тысячелетия до н.э., придают «соседнее» значение – D – iui – луна, месяц. Победило правдоподобие.

...Когда мы поняли идеологию солнечных знаков Евразии и Америки («не луна», «убитая луна» < «луна и звезда») и морфологию этих сложных иероглифов, только тогда удалось прочесть их, восстановить праформы названий. По ходу исследования выяснились закономерности семантического развития простых и сложных знаков. Иерархия социальных ценностей: символ «месяц-рога» обозначал Мужа, племенного предводителя (князя), «месяц (луна) со звездой» – высшего творца – Бога, а следом – царя. Даже отождествление «я есть народ» расшифровывается.

Майя создали свой знак солнца в Евразии.

king – 1) солнце (мая), 2) король (англ.).

ink – 1) Бог (ст. каз.), 2) король (ацтек).

И подданные короля-солнца стали называться – инки. Распространенность этого слова в Евразии и Южной Америке мне говорит о великой культурной и государственной активности предков майя. Вполне вероятно, что до шумерских пластов в Древней Передней Азии существовал «пласт майя», наследием которого в культурах Евразии стали лунные знаки с однофонемными названиями:⁴

> – u (шум.)

> – u (авест.)

> – u (др. тюрк.)

u v – u (лат.)

o – o (лат.)

*u u – o (греч.)

o – o (греч.)

И производные:

o o – oo (греч.-класс.)

o o – oo (греч.-визант.)

ψ φ – kof (*ha-u) (финик.-арам.)

φ Q – kv (*kov) (лат.)

φ – f [* (ho)-f] (греч.)

⊙ – kv (*kov) (гот.)

Y – wau, waw (*a-u) (финик.-арам.)

⤴ – kaf (*ha-u) (финик.-арам.)

∪ – uu (авест.)

∪ – ū(ö) (др.тюрк.)

Вполне возможно включить в этот ряд и другие:

Y – u (*uu) (этрасск.)

Y – u (*uu) (слав.-кириллич.)

Y – y (*ui, *iu, u > i) (лат.)

...Перевернутый знак должен был называться как зачеркнутый: ∩ – uu.

В закрытосложном диалекте лексема обретает протетический согласный: uuk. Так, в казахском называется кривая жердь, образующая купол юрты. Она прикрепляется к сборной стенной решетке широкой ковровой лентой (uuk bau) с определенным орнаментом, не позволяющим перепутать эту перевязь с другими. Этот повторяющийся из века в век узор уже не прочитывается ткачихами, изготавливающими ленту. Но мы должны попытаться. По всей длине ленты вытканно слово, название предмета, для которого она предназначена.

Владеющий современной кириллицей прочтет сверху вниз бесконечные «уг-уг-уг...». Но писалось это слово в те далекие времена, когда буквы, изображенные на этом документе, выражали долгий гласный ui и глухой гортанный k. Эти соображения уводят к этрускам: только в их алфавите буква, напоминающая греческую «гамму» и кириллическую «г», читалась в конце слова глухо – «к», а в интервокальном положении озвончивалась. И только в этруском письме, а также в кириллице буква, напоминающая латинскую «у», содержала губной узкий звук. Памятник коврового письма способен подсказать, что фонема эта первоначально была долгой. Иначе, чем объяснить такую характерную разность форм при количественном тождестве латинской буквы, с одной стороны, и этрусско-славянской – с другой? Отсюда хорошо бы сразу перейти к этрусской теме, но мы еще только вступили в Шумер.

³ Ср. казахский гербовый знак ☾ – ai – луна, месяц. (См. В.В. Востров, М.С. Муканов. «Родоплеменной состав и расселение казахов». Алма-Ата, «Наука», 1968, стр. 65).

⁴ u – месяц, луна (мая).

Лингвистические новеллы¹

В этом цикле попробуем рассмотреть протошумерское отношение к «остроугольной луне» – к ее связям с «лучистой точкой», превратившейся в скорописи в кой-кой крест.

Проанализировав несколько сложных знаков, сохранившихся в новошумерской письменности, сделаем предварительный вывод. Протошумеры относились к простым знакам, входившим в постоянное сочетание, как мы – к буквам. Они видели в них графическое выражение бессодержательных фонем: «угол» – u, «крест» – d', d, t. Поэтому изменение пространственного положения этих знаков не влияло на их звуковое значение. Такое ожидаешь только от букв. Иероглиф ведет себя иначе: изменяется позиция в письменном поле, значит, модифицируется графический образ. Следовательно, и название сознательно реагирует.

Как ни поверни протошумерский «угол», название его сохраняется: V = > = ^ – u.

То же относится и к «косому кресту».

Бык (*корова?)

...В шумерских глиняных таблицах мы находим название рогатого, похожее на древнетюркское, правда, уже в открытосложной форме, с гортанным протезом: V – gud 1) бык, 2) крупный рогатый скот (III тысячелетие до н. э.).

Иероглиф передает образ рогатой головы. Я предположил, что праформа этого слова была закрытосложной: *ud. И выражала комплексную семантику, порожденную в эпоху солнцепоклонничества, когда корова, а в некоторых культурах – баран, признавались за земного представителя дневного светила. В ту пору такое графическое изображение рогатого тотема одновременно означало и «солнце».

Шумерские грамматисты, чтобы развести эти значения, вероятно, использовали в письме знаки из диалектных письменностей. Поэтому в одну группу со знаком gud – бык (*ud) я включил и два других, явно родственных, отличающихся или положением в пространстве (> – ud – солнце, день), или округлостью основной детали ⊕ – udu, utu – 1) баран, 2) Бог солнца. И рискнул в этимологии этого знака пойти дальше: он сначала должен был выглядеть *⊕, ⊕ – 1) баран, 2) Бог солнца. В протошумерском диалектном письме лучи и точка, вероятно, слились в крест: ⊕ ⊕ > ⊕ ⊕ ⊕ – 1) ud, ut – солнце, баран, корова (весь знак), 2) uda, uta – Бог солнца (точка с лучами, крест)².

В унифицированное шумерское письмо этот знак был принят в двух значениях, «Баран» и «Бог солнца», наряду с остроугольными вариантами, по которым рас-

¹ novello – новое, новость (ит.).

² Шумерская гармония гласных – в двусложном слове должны быть гласные одного вида. Ассимилятором становится корневой: *ud-a > udu; *dum-a > dumu

пределилась остальная семантика: 1) *ud > gud – *корова > бык, 2) ud – солнце, день.

В унифицированное шумерское были включены знаки по сути одного значения, но из разных диалектных письменностей: V – gud – бык, > – ud – солнце, день, ⊕ – udu – 1) Бог солнца, 2) баран.

Более развернутая картина развития праформ знаков и названий представляется такой:

V V V

} *ud' (ut'), *ud (ut) – 1) корова, 2) баран

> > >

⊕ ⊕ ⊕

*ud-a > udu, utu – «Бог солнца» (лучистая точка > крест). Значение всего знакового комплекса – «баран».

Дом-антикорова

Логика теории антилогов: знак > антизнак > анти-антизнак...

V ui – корова (протокипчак., кирг., др.уйг.)

⊕ üi – дом, юрта, шатер (кипчак., кирг., уйгур.).

В отличие от шумеров тюрки, изменяя положение «угла», видоизменяли его звуковое значение. Пользуясь этим наблюдением, можно отличить продукты шумерского словопроизводства от тюркского, творившегося в то же время и, вероятно, в том же ареале. Обще-тюркский язык уже в ту пору разветвляется. Огузские жрецы, переворачивая знак коровы, вместо умлаута переставляют название.

⊕ *i-u > iv > ev > eb, āb.

Сравните: ev – дом (тур.), āb – дом, юрта, шатер (др. тюрк.).

Иероглиф «дом» участвует в написании сложных слов в качестве слогового бессодержательного знака. Отразилось в странном для слуховой этимологии слоговом соответствии кипчакского -üi- и огузского -ev-: sujınşı (каз.) = sevinci – радость (тур.), sujis (каз.) = seviş – любовь (турец.)...

...Тюрки, осваивая семитское слово bed, bet – «дом», «шатер», создают речевую билингву (когда заимствующееся слово поясняется своим) *bed-ev и *bed- üi.

Иранцы способствовали тому, что кочевые насельники Передней Азии, жившие в шатрах, получили прозвище bedevi = beduin.

...В древнетюркский алфавит вошла буква-иероглиф:

⊕ – āb – «дом», «шатер».

...В енисейских памятниках встречаются разновидности орхонской буквы-иероглифа: ⊕ ⊕ ⊕ – ab – дом, юрта, жилище.

Полагаю, что последняя произошла в результате такой модификации: ⊕ ⊕ ⊕

В шумерской иероглифике курсивный вариант получил завершение: ⊕ – ab – дверь; es – дом. Значение «дверь» могло появиться только при толковании исходной формы знака.

Тюркская пара **āb** – дом, **es** – * дверь, (ныне **esik**, **ešik** – дверь).

Знакотворцы подсказали зодчим уникальное направление, характерное для Древней Передней Азии – ступенчатую пирамиду, родившуюся из интерпретации остроконечного знака дома. Магия священного иероглифа, доставшегося от предков, заставила подчинить его очертаниям абрис строений. Поначалу это был храм. Дом господ, затем – земного его представителя, господина. Храмы превращались в хоромы.

Для лингвиста переход ***āb > ab** – подтверждение того, что шумеры не знали искусственных мягких. Или – аккадцы в своих словарях не смогли их передать. (Ср. в древнетюркском алфавите букву-иероглиф **l ās** – 1) черти, полосуй острым, 2) черта, полоса. И шум. **l** – **as** – один, единица.)

...Схема «дом есть антикорова» позволяет себя проверить на других уравнениях.

Существование иероглифа **ṽ** – ***bud (mud)** – ***but (mut)** – «корова», может подтвердиться оппозиционным **▲** – 1) **bet (bit)** – дом, шатер (др. сем.)³, 2) ***met (mit, mid)** и палиндромом – ***dum (*tum)** – дом (индо-евр.), ***thum** – чум (тунг.-маньчж.).

В славянских праформа ***dum** развивается в двух направлениях: 1) **dom** 2) **dym**

Дыма без огня не бывает, потому как он – антиогонь или дитя знака огня. Образ огня нельзя было сочинить умозрительно. Его надо было узреть в графеме.

День рождения

Знак коровы-солнца, меняя положение, придавал имени бога-родителя глагольность, становился символом, подсказывал способ божественного производства жизни.

Порядок звуков в сочетаниях зависел и от положения иероглифа в письменном поле. До этого мы убеждались, что изменение позиции знака письмо-языкотворцы сопровождали 1) умлаутом, 2) аффиксацией, 3) искусственным палиндромом.

Шумеры применяют палиндром при повороте знака на 180°: **▲** – ***du, *tu** – родить⁴.

В этот период шумеры знают, что угол в любой позиции «**u**» (**un**) и всегда «**пять**». А крест **d/t** всегда – «пара».

Они уже ведают умножение и, подчеркивая числовое значение полученной конструкции, обозначают его надстройкой из пяти пар. Так получается удивительный шумерский иероглиф, который дошел до нас благодаря тому, что был включен в шумеро-аккадский словарь. Не все иероглифы удостоились этой чести, но триада ***ud (gud)** – ***ud (ud)** – ***du (tu)** к счастью для общечеловеческой культуры попала в число избранных знаков. Внешность не всех иероглифов дополнена натуралистическим выражением числового значения. О причинах та-

кой избирательности остается только догадываться, но так или иначе в шумерском письме утверждается иероглиф **▲ tu** – родить.

Смысл обычая «день рождения» появился в результате скрещивания семантик «солнце, день» и «рождение». Рождение ребенка – это рождение солнышка и отмечаться должно как праздник.

...Только кипчакские языки сохраняют этот тосложный глагол **tu** – 1) роди, 2) родись (каз., ккалп., ног.). В большинстве остальных он произведен от закрытосложной праформы

tun – tul – tur
*tun
tung – tug.

Например, **tur** – 1) роди, 2) родись (кирг.), **tug** – т.ж. (др.уйг.).

Праформа сохраняется в производном ***tunguś (tungyś)** – первородный, первенец (каз., ккалп., ног.) Но уже от упрощенной лексемы **tu** производится отглагольное существительное **tuma** – 1) *близнецы, 2) *дитя, 3) сородичи (кипч.).

В алтайских. **duma, tuma** – помесь, метис. Сказывается влияние знака пары – «скрещение противоположных».

В ДПА слово испытывает действие гармонии гласных шумерского типа. Ассимилятором выступает корневой: ***duma > dumu** – дитя (шум.). Поэтому я предполагаю, что в шумерских диалектах бытовало и ***du** – родить.

Огузо-карлукское **tukym, tukum (*tukma)** вначале было тождественно кипчакскому **tuma**. Но закрепилось в словарях значениями – «семья», «потомство», «племя», «яйцо». Синонимично слову «**uruk**» – т.ж. Возможная параллель: **Урук** – главный город Шумера и **Тукум** – главный город инков.

...До того, как угол (**un > u**) превратился в десятку, тюрки знали числительное ***ty** – 10. Сохранилось в составе сложного, долго обозначавшего предельное число **tumyn** – 10 тысяч (при **mun** – 1000). В средние века, когда войска кочевников делились на корпуса по десять тысяч всадников, монголы произносили **tumen**, чагатайцы **tuming (ming)** – 1000 («по-узбекски»).

...Воплощением заимствованного у шумеров знака рождения, наверное, явилась и поза роженицы. В глухих казахских аулах, на кочевых отгонах жены скотоводов рожают стоя, держась за аркан, протянутый под куполом юрты. Женщины, помогающие ей, сопровождают свои действия криками – **tu!** – обращенными одновременно и к плоду, и к матери – 1) роди! 2) родись! И когда вопли роженицы сменяются первым вскриком новорожденного, повитуха сообщает – **tudy!** – 1) родила, 2) родился! По этому случаю людей скликают на праздник. Вероятно, некогда пиршеством отмечался только День рождения новой жизни. Потом слово **tui (toi)** 1) «насыщайся», 2) «пир» стало применяться ко всем ритуаль-

³ ***bet, beth > eth, es** – дом (шум.).

⁴ Тюрки используют умлаут: **▲** – **ut (öt)** – переступай, переходи, проходи (общетюрк.).

ным застольям, которыми отмечались всевозможные радостные и торжественные события, семейные и общенародные – свадьба, победа, важная дата.

Займствование названия ритуала столь интимного, как рождение, не могло произойти при случайной встрече культур. Только длительное, веками освещенное совместное бытование обеспечивало подобный уровень обмена.

При кратковременном контакте возможно обрести знак и его название. Но смысл оставался неизвестным, и грамматистам приходилось восполнять этот пробел собственными толкованиями.

Не грех вспомнить, что древнеиндийская княгиня родила будущего Будду в тропическом лесу стоя, держась за лиану.

...При перевороте знака название могло отрицаться, как мы неоднократно убеждались, не только палиндромом, умлаутом, но и аффиксально: – ud, ut, – 1) ud-a, 2) ud-n.

И сопряженные со знаком «дома», «очага», «рождения» > «родного дома», «родного очага» слова **udun** – очаг (шум.), **utyn** – дрова (тюрк.) включаются в одно гнездо с **oda** – комната (тур.), **odaw**, **otaw** – юрта, где проводят первую ночь молодожены (каз.), **odah**, **othak**, **oçak** – очаг (хак.), **kudo** – дом (коми), **hata** – дом (укр.), ***kath-a** > **kasa** – дом (ит., исп.). И опять префиксальное образование ***ha-ud**, ***hauth** – **hous** – дом (англ.).

Полное право на совместное рассмотрение с этими конкретными словами получают **udn** – родная страна (хетт.), **budun** – родной народ (др. тюр.), **utan**, **otan**, **vatan** – родина (тюрк. -иранск.).

Символ дома (рождения) будет обозначать понятие – «родина».

Итак, мы увидели протошумерскую «вертушку»

 – **gud** (***ud**) – *корова, бык,

 – **ud** – солнце, день,

 – **tu** (***du**) – родить (*роди).

Во всех трех положениях звуковые значения угла и креста качественно не изменялись.

Время восхода

В протошумерский репертуар неожиданно вмешивается архикитайский. Предположить, что предки китайцев по пути на Восток провели века в Древней Передней Азии, позволяют данные палеографии.

...Один недостаток был в тюрко-шумерском знаке коровы-быка **ui** (**ud**, **ut**) = **un-i** (**un-d**, **un-t**). Он читался как бы снизу вверх. В этом проявлялась логика грамматического строя: первым называли основной элемент сложного иероглифа (корневой), а затем уже – служебный.

Китайский грамматист пренебрегает этим законом, для него важнее правило **графического строя**, в котором учитываются пространственные отношения знаков. В вертикальной строке (сверху вниз) первым произносили наименование верхнего элемента сложного иероглифа:

 – ***t-u** (***t-un**) > **tu** (**tun**).

Знак толкуется как «лунка и культурное растение».

Название превращается в неразложимый лексический монолит (имена простых составляющих уже неизвестны), но требуется определить словесно отдельные детали. Тогда общее название передается основному элементу, «лунке». Лунка выполаживается в процессе перехода к «квадратному» почерку. – **tu** – земля (кит.)

Теперь мы видим, как в древнекитайском **акцентировали деталь сложного иероглифа: ее увеличивали относительно другой**.

Смысл «земля» (*лунка, обработанная земля) буквально подчеркивается основанием, увеличенным до размера письменного квадрата. Смысл «растение» – уменьшением «земли» и увеличением креста.

 – ***ti** > **shi** – служащий, офицер, чиновник (*культурное растение > выращенное, воспитанное > выученный.). Числовое значение – 5 × 2 – выражается крестом, выделенным из комплекса названием – **shi** – десять.

В этой триаде ошибок не допущено.

...Параллельно в других разновидностях древнекитайского письма разрабатываются варианты солярного по происхождению знака. Произведения эти также вошли в периоды унификации в общекитайский язык и письменность.

Те, для кого смысл основного элемента был ясен («южный месяц») и назывался он в этом диалекте «и» (в другом – «un»), поднимают крест, указывая этим на подъем светила. Обратное движение светила обозначают углублением креста-стрелы.

В период одной из реформ, собирая в унифицированный ряд диалектные иероглифы, обращаются с ними, не всегда понимая функциональную значимость пространственных отношений между деталями. Они из пары похожих иероглифов: – «восход», – «заход» выбирают более компактный.

Он вмещается всеми элементами в квадрат унифицированного письменного поля, отведенного каждому простому и сложному иероглифу.

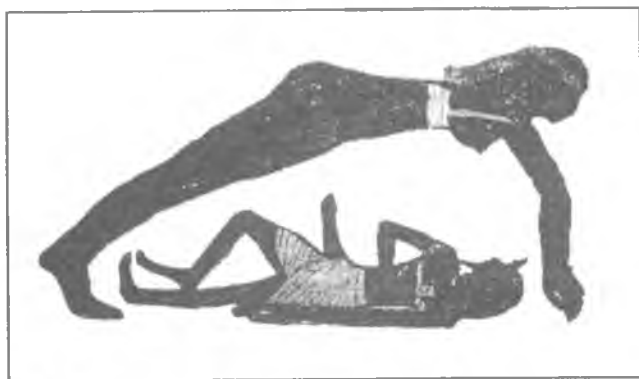
Так возникает графема – **chu** – восход (***thu**).

...В тюркском письме сохраняется намек на знак, заимствованный из какой-то письменности. В оригинале он выглядел, полагаю, так: – ***un-t**.

Тюрки не признают горизонтальных штрихов. Ни в одной букве нет горизонталей. Если приходили в заимствованных буквах, то превращались в ломанные или передавались точками, как в данном случае: – буквенное значение «nt». Вначале слова читается – **ant** (др.-тюр. алфавит). Индо-европейские грамматисты переворачивали знак с крестом и название – **nut**, обозначая этим «заход светила», «ночь». (Полагаю, это созвучие и стало праформой названий ночи в индоевропейских языках.)

В тюркских перемещение креста (или переворот всего комплекса) ознаменовался смягчением названия: ***tun** – свет, рассвет; ***tün** – ночь (кипч.), **dün** – вечер (тур.).

Купол неба и звезда! Шумеры изображают ночь:

☾ («Купол неба и звезды») Название отличается.

Знак ночи и индоевропейское название были занесены в Древний Египет, где куполу неба и было присвоено наименование всего комплекса. А для звезды-креста пришлось привлечь общее название схожего знака:

♠ – eb – дом (др. тюр.).

Так, я думаю, возникла художественно-мифическая композиция «Нут и Геб», очень популярная в искусстве Древнего Египта. Легенды о богине Небесного Купола Нут и ее беспутном муже Геб тысячелетиями воспитывали египтян. Предопределила характеристику образа Геба – (пьяница и развратник) особая форма креста. Я полагаю, египтяне перевернули знак ☾ ☾. Об этом свидетельствует художественное воплощение. Извините за иллюстрацию.

II

Принят был в унифицированный китайский и другой вариант развития афро-евразийского солярного знака. Здесь «месяц» передан более выразительной и понятной в неэкваториальных широтах фигурой месяца-луны.

☾ ☾ ☾ ☾

Назывался он *t-un₁ (*d-un₁) – восход.

Реформаторы, толкуя знак, уточняют его по-своему. Добавляют черту кругу, чем превращают его в солнце. И, чтобы никаких сомнений не возникало, придают лучистость светилу: ☼ – don, dong – восток. (В ханьских диалектах встречается и dun. И значения колеблются. То – «восход солнца», то «восток». Поэтому в разных русско-китайских словарях мне встречались все приведенные формы.) Корейцы, пользовавшиеся китайским письмом издревле, могли из этого источника заимствовать слово tan, ton – восход.

В тюркских – tan, dan – восход.

И если слово заимствовали, то только с иероглифом, притом до того, как в древнекитайском появилась черта:

☾ – t (др.-тюр. алф.) слоговое название «at» – 1) конь, 2) стрелай.

Иероглифическое название, думаю, было *tun₁ > tan₁ – восход. (Противоположное *ant, nt). Казахи объединяют слоговое и иероглифическое названия в устойчивом фразеологизме: tan-at – 1) рассветаи, восходи (букв: «восход выстрели»).
☾ – ti (til, tir) – 1) стрела, 2) жизнь.

От tan – «восход» глаголы иным способом не создаются. ...Знак восхода имел, вероятно, хождение не только по Востоку. Он дошел и до древнегрузинского алфавита: ☾ – don (V в. н. э.). Значение не уцелело, кроме буквенного – «d». Вариант его ☾ – tan, происходящий от «северной луны», пришел из диалекта, где восход обозначался стрелкой вправо (по ходу движения солнца).

И здесь иероглифическое содержание утрачено, однако, думаю, если в протогрузинском эта буква начинала алфавитный ряд, название ее могло стать модельным. Иначе как объяснить обязательное присутствие «суффикса буквенных названий» в наименованиях букв – бан, ган, кан, ман, жан, джан, сан, хан и др.

III

Косвенным подтверждением нашей гипотезы о том, что в древнекитайских разновидностях письма исходной формой солярного знака был «южный полумесяц» с крестом > стрелой, могут быть и возможные толкования: месяц > «чаша», «вода»; крест – «много». Общее – «много воды».

И название знака приобретает новое значение: don – река (Иран. осет.). Ираноязычные племена, осваивая в свое время Великую Степь (В.И.Абаев считал, что это – скифская эпоха, V в. до н. э.), оставили детерминатив «don» в гидронимах, именах только больших рек: от Дона (у Геродота – Танаис) до Дуная.

Славянская синкопа девокализирует детерминатив в именах Днепр, Днестр, (*don Epr, *don Estr.)

Греки звали Дунай и под названием Istros.

Возможно, собственное имя Днепра было похожем на переднеазиатское *Евфр-ат, где -at – показатель ж. р. в древнесемитских. Языки, не признававшие грамматического рода, обходились без подобных суффиксов. Этносы, выходившие из Древней Передней Азии, приносили свои гидронимы на новые земли. Сколько разных племен-языков прокатились по Великой Степи. Они нарекали большие реки именами светил, коим поклонялись: *istr, *estr – очень напоминает переднеазиатское s-t-r – звезда Венера: ister – звезда (др.-евр.) Astar-at – Венера (ассир.), lstar – Венера, богиня плодородия (др.-сем.).

Попали эти имена, уже став нарицательными, в европейские: stella – звезда (лат.), star (англ.), stern (нем.).

Стрела

Подтверждением того, что «южный месяц» преобразовывали в «луну» и уменьшали второстепенную деталь за счет увеличения главной, служит древнекитайский иероглиф: ☾ – shi – стрела (*ti).

Круглешок с лучами – это бывшее светило. Когда надо было акцент сделать на нижней детали, «светило» увеличивали, сокращая стрелу: ☾ – *tu – восход, (= *tun₁).

...В шумерском так произошло название стрелы:

☾ – ti (til, tir) – 1) стрела, 2) жизнь.

В некоторых надписях знак переворачивался – *ti*. Следовательно, они не знали, как иначе можно обозначить «колчан» и «стрелу».

Если исходный был таким же, как в китайском, то мы можем понять и происхождение другого гидронима: – *tun* (tu),   – *tin* (ti).

Здесь, в отличие от протокитайского, утопленный крест читается заднеязычно и символизирует – свет, солнце. (Этот знак переворачивался в *nut*, и *tün*, и *ten'*).

Возвышенный крест – означал подъем светила – *tin*, *din* (ср. слав. *den'* – день и алб. *del'* – день, чеч.-инг. *de* – день). Развитие по закону NLR.

...И если китайский подход породил *dun* (*tun*) – 1) восход, 2) большая вода, то шумерский те же значения обозначал словами *tin* (*til*, *tir*).

И теперь самое время вспомнить о роли диалекта с гортанизацией гласного: шумерское *tir* – «стрела», в древнеиранском произношении – *tigr*, *tih* – стрела. Они и называли великую реку Месопотамии – Тигр.

А «северный вариант» знака истолковывался как «пасть со стрелой» > «убийственная пасть» или «великая пасть» – царь хищников Евразии – тигр: .

Иных объяснений происхождения этих омонимов в науке пока не существует. Так же как и *tel*, *til*, *dil* – 1) язык (орган), 2) язык (речь) в тюркских языках (северный месяц с крестом-стрелой). **Tul* (*tol*) – «говори» отразилось с преобразованием непривычных искусственных мягких в гласный заднего ряда – **tol* – говори, **tolk* – речь (др. слав.).

Английский язык насыщен отзвуками этого корневого слова: *talk* – 1) речь, 2) говорить, разговаривать (устное – «толк»), *tell* – скажи: (*teller* – сказитель, **tale* – сказка).

Тюрки знали и глагольную форму **tol* – скажи, откуда **tolma* – речь, сказ; *tolmači* – 1) сказитель 2) переводчик. (В Древней Греции – *Dolmacia* – область на Балканах, вероятно, прославившаяся полиглотами.)

В русском закономерно – «толмач». Тюркологи методом народной этимологии создают, вводят в языки нелепое «тильмач» – переводчик, необъяснимое тюркской морфологией, и утверждают, что именно это образование стало основой русского слова. По этой структуре оказывается, что именной суффикс – «ма» образует имя от имени «тиль» – язык, речь. И откуда взялось окончание – ш, ч, совершенно нехарактерное для тюркских. Но типичное в русских – «трубач», «ткач», «палач», «басмач», закономерно сокративших в суффиксе деятеля звук «и», совпавший с окончанием мн. числа.

Уже после тюркского **til* эламы – современники и соседи шумеров – применяют позднюю форму **tir* в своих глаголах *tiri* = *turu* – говорить (**türü*).

Формальное сходство этих основ с дравидским *teri* – «быть узнаваемым», «понятым», *tir* – «брат», «понимать» (брахуи) давало основание исследователям говорить о родстве дравидских с эламским.⁵

(Разность в чертании деталей знака сказывалась на значении. Тюрки крест во «рту» называли *emek* – еда. Знак,

⁵ И.М. Дьяконов. Указ.соч. стр. 112.

продолжив свое существование в шумерской культуре под тем же именем, мог измениться: крест выдвинулся, превратился в стрелу. И значение слова стало иным: *emek* – 1) язык (орган), 2) язык (речь). Так в шумерском.)

...Шумерский знак – *til*, *tir*, *ti* – «стрела» похож на древнекитайский детерминатив – «язык». Он создан на базе иероглифа – *kou* – рот. (Нижняя часть лица с линией рта?) Тюрки знали название шумерского иероглифа *til* и значение китайской идеограммы – «язык». И в такой ситуации возможно было скрещение *til* – язык (тюрк.).

[Попутно сравним иероглиф *kou* с финикийскими буквами *kof* *wau* и *kaf* и мы получаем все четыре возможных варианта отрицания рогов чертой: **ha-u*. Китайская черта-единица горизонтальная. Этот пример к теме – о возможных протосвязях.]

II

...Предки китайцев жили в Древней Передней Азии. Были не на последних ролях в культуре и там. Письменные знаки не менее важный археологический материал, чем осколки керамики и бусы. В каком письме мог превратиться в ? В клинописном бы точно: он не признавал закругленных линий.

В вавилонской клинописи конца III начала II тысячелетия до н. э. используется слоговой знак – *ti*. В угаритском алфавите (II тыс. до н. э.) знак распадается на два – *t*, – *i*.

Древо жизни

 – *ti*, *til*, *tir* – 1) жизнь, 2) стрела (шум.).

Восстановив праформу **tin*, мы получаем идеальную иллюстрацию действия закона NLR (механический переход носового согласного в плавный): *tin* > *til* > *tir* > *ti*.

Значение «жизнь» появилось, надо полагать, в результате контаминации с семантикой – «росток, растение».

Зная схему образования названий деталей сложного знака, мы вправе попытаться восстановить наименование по крайней мере нижней детали (*tu*, **tun*, *tul*, *tur*), которое до этого было именем всего комплекса.

Значения – земля (если «стрела» это растение), – колчан (если «стрела» это стрела). Нам известны: *tu* – «земля» (кит.), *тул* – колчан (др.-рус.)⁶.

Перенос общего названия на стрелу-росток как основной элемент: *dur*, *tur* – 1) рождайся, 2) стой, 3) живи (общетюрк.). И тогда нижняя часть – *d'er* – земля (тюрк. хак.) **t'er* > *čer* – земля (тюрк. алт.), *zer*, *dzer* (кипч.), *jer* (огузо-карп.).

II

Шумерский знак за тысячелетия толкований в разных средах породил много слов. Насколько хватило поэтических способностей жрецов. Мы рассмотрим толь-

⁶ И, возможно, – *dol* – низина (ст. слав.).

ко одну из тем – «растение и земля» (обработанная). И самую позднюю форму название. – tir (ter), dir (der).

Название относится к верхней части. Толкуется «дерево», в германских: *ter (*d'er) – дерево, растение.

Нижняя часть обозначается палиндромом: *er-t' (er-d') – земля. В др.-сем.: er-th – земля. В славянских землю называют в этот период аффиксальным отрицанием общего названия знака *der: der-n – 1) *земля, 2) дерн.

А верхняя часть с помощью другого антонимического аффикса: *der-a > *der-va – дерево. И в следующих поколениях – отрицая дерево, вновь возвращаются к названию земли: *derv-ne – «деревня» – пахотное поле (др.-рус.).

В романских создают антитезу заимствованной у иранцев лексеме tihr – «стрела»: *tihr-a (tirra > terra) – земля.

В тюркских образуют антилог, отталкиваясь от названия нижнего элемента: d'er (t'er) – земля; der-ek (terek) – 1) дерево, 2) тополь.

III

На исходе шумерской цивилизации иероглиф перестраивается. Вместо колчана появляется оперенье: – tir – 1) жизнь, 2) стрела (шум.). Но в других языках ДПА «стрела» уже успела дать жизнь «дереву».

Теперь приходится толковать «оперенье» дерева. В тот период славяне осваивают умлаут. Что видит славянин в лесу под деревьями? Сухие сучья, валежник, хворост. Если верхняя часть уже называется *derva > *dreva, то нижняя получает наименование *dorva > drova

В «глухом» диалекте подошли еще более интересно: высшее растение – *terva – дерево, низшее – *tarva > trava

Заимствуют германское название дерева *ter и от него получают антоним terni – колючие кусты, тернии («оперенье»).

(До появления оперенья тюрки создают название «колчана» – torba – 1) «сума, сумка», 2) «люлька», а мягкий вариант terbe – качай люльку, зыбку.) Но и «оперенье» видели тюрки: terik, terek – 1) дерево, 2) тополь (высшее растение), taryk – 1) злаки, 2) просо (низшее растение).

...Используя эту схему парных слов, мы найдем во многих языках причину форм и семантики названий высших и низших растений. И увидим уровень взаимоотношений словарей. А так же удастся относительно шумерских дат определить возраст лексем.

...Вспомним, как в ту же эпоху знак дерева с более пышной кроной помогал романцам: – arba – дерево (лат.), *har-va > *harba

Название отрицается умлаутом, чтобы наречь нижнюю деталь – erba – трава. Ср. herba – трава (лат.), erba – трава (ит.).

...Попутно – этимология латинского названия дерева

 – *ul (ol) > ur (or) > ar,

 – *ul-ha (ol-ha) > *ul-'a (*ol-'a) > ur-'a (or-'a) > ar-'a > ar-wa...

Тюрки, благодаря этому знаку, называли первый злак: arpa – ячмень (общетюрк.). Увидели лунку и стебель культурного растения.

«Дерево» + «жизнь»

Одно из самых древних значений шумерского знака – **дерево жизни**. (Такие и теперь выращиваются в японских семьях, передаваясь из поколения в поколение, как символы жизни рода. Маленькие дубы и кедр. Иным по несколько сот лет.)

	– tin	sin
		}
	– ton	ton

Сверху вниз весь знак прочелся жрецами протоки-тайского и протояпонского племени – «шинто». Живой, вещественный знак синтоизма.

(Продолжение следует)

Открыта подписка на собрание сочинений Анатолия Кима в 6 томах

Известный российский писатель Анатолий Ким родился на Сахалине.

Жил долгое время в Казахстане.

Нашим читателям хорошо известны его «Белка», «Отец-лес», «Луковое поле», «Соловьиное эхо» и другие произведения писателя.

На киностудии «Казахфильм» по его сценариям поставлены три фильма —

«Сестра моя Люся», «Выйти из леса на поляну» и «Местъ».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ПРОСТОР»
ПО ТЕЛЕФОНУ 62-25-05 (Юрий).